

A stylized white number '75' on a red background. The '7' and '5' are interconnected, with the top of the '5' resembling a flame or a wing.

ПОБЕДА!

1945-2020

A collage of images including red carnations, a St. George's ribbon, a soldier's uniform, and a building. The carnations are in the foreground, and the ribbon is draped across the bottom. The background features a soldier's uniform and a building, possibly a memorial or a historical site.

**Память и слава
героям Победы**

*Библиотека районной газеты
"Тайыншинские вести"*

Сборник произведений конкурса
"Память и слава героям Победы"

*ПОО "Тайынша-Информ"
г. Тайынша, 2020 год*

Алфавитный указатель

1. Ахватава Валентина, с. Келлеровка.....	2
2. Вручинский Евгений, с. Карагап.....	3
3. Гаак Аркадий, с. Ясная Поляна.....	14
4. Гаер Елена, с. Келлеровка.....	15
5. Галицкая Любовь, с. Чкалово.....	17
6. Голикова Светлана, г. Тайынша.....	19
7. Жанабергенова Сауле, с. Аккудык.....	23
8. Жданов Владимир, с. Калиновка.....	24
9. Кенжетаева Аян, г. Тайынша.....	32
10. Козак Владимир, с. Краснокиевка.....	33
11. Котвицкая Елена, с. Чкалово.....	37
12. Красницкая Инга, с. Любимовка.....	39
13. Лобас Михаил, с. Ясная Поляна.....	42
14. Можановская Станислава, с. Ясная Поляна.....	43
15. Поднебесный Пётр, с. Келлеровка.....	50
16. Сагиндыкова Клара, с. Зеренда.....	52
17. Сидлецкая Станислава, с. Чкалово.....	54
18. Швец Владимир, г. Тайынша.....	55

“Память и слава героям Победы”. Сборник произведений конкурса. — г. Тайынша. ТОО “Тайынша-Информ”, 2020 — 58 стр.

Под редакцией: А. Бочкор, Н. Тесля.

Верстка: сотрудники компьютерного отдела ТОО “Тайынша-Информ”.

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию сборник с произведениями участников литературного конкурса «Память и слава героям Победы», который организован в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов редакцией районной газеты «Тайыншинские вести» совместно с районным советом ветеранов и Тайыншинским районным филиалом партии «Nur Otan». Конкурс проходил по двум номинациям «Проза» и «Поэзия», и в этом сборнике находятся плоды литературного труда жителей нашего района.

Вторая мировая война стала всенародным бедствием для граждан СССР и многих других стран. Подвиг воинов Великой Отечественной и тружеников тыла не оценим, не измерим, сколько бы мы над этим не размышляли. Героизм, мужество и стойкость защитников Отечества будет всегда примером для новых и новых поколений. В своих произведениях конкурсанты затронули разные стороны жизни военного времени, посвятили стихи и прозу фронтовикам - односельчанам, родным и знакомым. Каждая работа интересна по-своему, в каждое стихотворение или рассказ авторы вложили частицу своей души, ведь все мы — люди того поколения, у которого живы еще воспоминания о военном лихолетье, в каждой семье берегут память об отцах, братьях, дедах и прадедах, проливавших кровь за свободу своей Родины, за мир на родной земле.

Итак, в ваших руках небольшая, но правдивая летопись подвига наших земляков. Благодаря активным и творческим жителям нашего района, участвующим в конкурсе, посвященном юбилею Великой Победы, мы сохраняем память, мы вместе пишем историю!

**Алла Бочкор,
заведующая отделом редакции
районной газеты «Тайыншинские вести»**

*Валентина АХВАТОВА,
с. Келлеровка*

День Победы

*Майский день. Долгожданная весна.
Враг разгромлен в далеком сорок пятом,
Это значит, что закончилась война
И домой возвратились солдаты.
Вместе с радостью — горечь потерь
В каждом доме, в каждой семье.
Эта боль в сердцах у всех теперь,
Чьи близкие погибли на войне.
Великой Победе уж семьдесят пять,
Фронтовики, наденьте свои ордена.
Живущим — почести, ушедших надо вспоминать,
На вас с благодарностью смотрит страна.
День Победы — это праздничный парад,
Это флаги, цветы и салюты,
Шаг чеканит нашей армии солдат,
Родины защитники и ветеранов внуки.
Поклонимся погибшим, Бессмертному полку,
С портретов смотрят дорогие лица,
Пред ними мы все в неоплатном долгу,
И Родина ими по праву гордится.
Мы жить хотим под мирным небом,
И говорим мы: «Нет — войне!»,
С днем Победы! С днем Победы!
Пусть будет мир на всей Земле!*

*Евгений ВРУЧИНСКИЙ,
с. Карагаш*

РАССКАЗ

*По мотивам воспоминаний фронтовика-карагашца
Сагимбая Дюсембекова, участника описываемых событий*

Переправа верхом

Стояла июльская жара 1944 года. Когда солнце находилось в зените, то казалось, что можно заживо изжариться. Нам, казахстанцам, было проще, мы привычные и к жаре и холоду. А вот бойцам, что из северных областей страны, тем было похуже. Они не к этому привыкли, поэтому искали любую тень, чтобы укрыться в период солнцепека. Мы, бойцы второго стрелкового батальона под командованием капитана Якушева, уже который день готовили плоты и прочие плавсредства для переправы через реку Вислу. В том месте, где мы должны были ее форсировать, ширина достигала метров 200-250, не больше, а глубина в этом месте достигала два с лишним метра. Вроде бы и не такая широкая, по сравнению с другими реками, но быстрое течение Вислы затрудняло форсирование.

Была здесь еще одна трудность: мы стояли не на самом берегу реки, до нее оставалось дойти два, а может два с половиной километра. Во время последнего наступления не хватило сил отбросить противника, и мы заняли только передовые окопы из его обороны. Противник же окопался по самой кромке воды и довольно крепко огрызнулся на наши редкие атаки, неспособные сбросить его в Вислу.

Периодически то мы, то противник пытались контратаковать друг друга, но поняв, что оборона организована хорошо, и они, и мы успокоились. Довольно часто происходили перестрелки между нашими и вражескими солдатами, иногда слышались пулеметные очереди. Но когда это надоедало обеим сторонам, наступало относительное затишье.

Мы вязали из подручного материала плоты. Разбирали на хуторе деревянные сараюшки и из этого материала готовили любые плавающие средства. Мы знали, что скоро будет наступление, поэтому готовились в перерывах между перестрелкой с фрицами. Кому-то достались лодки отступающих немцев, а особенно везло тем, кто умел плавать.

В один из таких периодов затишья, когда все были заняты чисткой оружия или налаживанием плавсредств, мой земляк из Аральской области боец Фахрутдинов мирно спал в тенечке под яблоневым деревом на хуторе. Командир это увидел и спросил:

— Боец Фахрутдинов, почему лентяйничаете и спите, когда все работают? Солдаты на фронте спят чутко. Он тут же вскочил и доложил по форме.

— Товарищ капитан, я родился и вырос на Арале. Мне этот ручеек переплыть ничего не стоит. Я чемпион области по плаванию. Мне бы только добежать до реки, а там я, как рыба в воде.

— Ну что ж посмотрим. Но если что не так, смотри у меня! — пригрозил наш капитан.

Я, услышав этот разговор, позавидовал своему земляку, ведь совсем не умел

плавать. За Вислой уже начиналась территория Польши, поэтому с нашими бойцами политработники часто проводили беседы о советско-польских отношениях.

И вот 28 июля командир построил наш второй стрелковый батальон, капитан А.И. Якушев зачитал приказ о наступлении и форсировании реки Висла с целью захвата плацдарма на другом берегу и развития наступления. Также нам довели до сведения директиву Ставки Верховного Главнокомандования, в которой говорилось, что: «Бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получают специальные награды – орденами, вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза». Приказ понятен, а за награды тогда никто и не думал. Но командование хотело хоть как-то поощрить солдат, поддержать наш моральный дух.

Настало томительное ожидание наступления. Каждый был занят своим делом: кто-то писал письма родным домой, кто-то, пригревшись на июльском солнышке, нервно покуривал. Я с группой сослуживцев занимался чисткой и смазкой оружия. После сытного ужина те, кто не попал в караул, где смогли, примостились спать. Ночи были тоже жаркие, поэтому выспаться не получалось, несмотря на хронический недосып и усталость от фронтовых будней.

На следующий день, с утра, стояла полная тишина. Казалось, что и войны нет, было слышно стрекотание кузнечиков. На фронте от такой тишины никто ничего хорошего не ждал.

Немцы, наверное, почувствовали, что-то нехорошее и притаились. А мы знали, что через несколько часов идти в атаку, и каждый думал о своем. Никто не знал, кому суждено добежать до берега, а уж тем более переправиться на другой, а кто из нас навсегда останется на этом берегу. Особенно меня мучила мысль, что нельзя отстать от ребят с плотом или лодкой. Так как мое умение плавать после топора занимало второе место, то переправиться на тот берег без подручных плавсредств — мои шансы сходили к нулю. Я как мог, успокаивал себя тем, что ребята меня не бросят и не дадут утонуть. Но нужно было еще выжить в атаке и добежать до берега ...

Ровно в час дня по сигналу зеленой и красной ракет мы пошли в атаку. Все бросились из своих окопов с криками:

— Ура! За Родину!

Каждый бежал, и если он не тащил плавсредство, на ходу стрелял по фашистским гадам. Когда до вражеских окопов оставалось метров тридцать, я увидел, как из немецких окопов не выдержав нашего натиска стали убегать фашисты в сторону реки. Прямо передо мной оказался здоровенный фриц и он тоже рванул к реке.

Крайний справа Сагымбай Дюсембеков

Я попробовал его застрелить, но в моем карабине в это время заклинил патрон. Несколько раз на пару секунд я останавливался, чтобы передернуть затвор, но видимо в спешке у меня ничего не получалось. На дольше я задерживаться не мог, так как боялся отстать от своих товарищей.

Мы шли в атаку, перепрыгивая немецкие окопы, и до воды уже оставалось метров десять не больше. Здесь я увидел, как мой земляк Фахрутдинов, чемпион по плаванию, рухнул замертво после разрыва немецкого снаряда.

«Не добежал. Вот тебе и рыба в воде. А с кем мне теперь плыть?», — мелькнула мысль в моей голове. И тут я опять увидел здоровяка немца у самой воды. Он в панике метался по берегу, видимо искал лодку или место на плоту, чтобы поскорее запрыгнуть к отступавшим немцам. Потом он видимо вспомнил, что умеет плавать, и со всего размаха прыгнул в воду. А я в это же время прыгнул, чтобы его сбить прикладом. И так случилось, что он на несколько секунд меня опередил, и я запрыгнул ему на спину. Ремень от моего карабина зацепился за его шею, и я основательно уселся немцу на спину. За пару секунд он успел отплыть вместе со мной на десяток метров от берега. и в этот момент я понял, что нашел свое средство для переправы на другой берег, так как спрыгнуть с его спины было для меня смерти подобно.

Я восседал на нем, как на резвом скакуне. Фриц пытался несколько раз меня скинуть в воду, но я тут же подтягивал крепче ремень карабина и он начинал задыхаться.

Тем временем с противоположного берега немцы открыли шквальный огонь по переплывающим, несмотря на то, что вместе с отступающими немцами вперемешку плыли наши авангардные лодки и плоты. Вода кипела от разрывов снарядов немецких минометов и град из пуль обрушился на плывущих. Там сплошь был настоящий ад. Вода моментально окрасилась в красный цвет от крови. Одновременно плавали тела убитых наших товарищей и немцев, а то и отдельно руки или ноги, непонятно кому принадлежащие, нашим бойцам или противнику. Некоторых с непривычки рвало. Кто-то звал на помощь маму, кто-то просто кричал непонятно что. Со всех сторон слышны были стоны раненых бойцов. А упасть раненому в воду — это означало скорую смерть.

Но мой немец вместе со мной на спине приблизился к противоположному берегу, и когда он встал ногами на дно, я подумал, что мне придется сейчас нелегко. Или он меня утопит или я его должен утопить, другого не дано.

Немец предпринял очередную попытку меня скинуть с себя, однако в это время рядом раздался взрыв немецкой мины. Фашист-здоровяк обмяк и стал медленно оседать. Получилось так, что он не только меня перевез на другой берег, но еще и прикрыл собой меня от немецкой мины.

Я с криком «Ура!» выбежал на берег. В прочем кричал я или нет, все равно нельзя было расслышать из-за выстрелов и разрывов снарядов. Вместе со своими однополчанами начал вести прицельный огонь по передовым позициям противника.

Наши войска все больше и больше переправлялись на левый берег Вислы и через некоторое время мы уже заняли передовые окопы противника. За успешную переправу в числе первых через Вислу, я получил орден Отечественной войны.

Всякие истории на войне случались. Со мной произошла вот такая невероятная история, в которую даже поверить трудно, но это правда. Уже потом, после окончания войны, я прочел книгу, где в своих воспоминаниях командующий 13-й армией Н.П. Пухов пишет: «Форсирование Вислы проходило настолько стремительно, что в отдельных случаях на волнах реки одновременно качались и лодки отходившего противника, и такие же лодки и плоты наших авангардных подразделений...»

Я всему этому был свидетель и участник.

Главное — жить

РАССКАЗ

Основан на воспоминаниях участника Великой Отечественной войны Сидорова Сергея Сергеевича

Шла суровая зима 1941 года. Первая военная зима. Морозы в ту пору доходили до сорока градусов. Да еще с настоящими сибирскими буранами, которых отродясь в Подмоскovie не было. Немцы, которые все еще шли на Москву в надежде быстрой победы, стали выдыхаться. Да и наши командиры, и солдаты научились, как с фрицами надо воевать. Ближе к новому году, мы оборонялись так, что противник, замедлив свой натиск, стал переходить на так называемую «окопную» войну. Мы защищались, потому как отступить было некуда, за нами стояла Москва. А враг выбился из сил, да и не был он готов к таким зимам, стал цепляться за каждый метр, чтобы не отступить — надеялся весной выправить свое положение и продолжить наступление.

Зимней одежды у захватчиков не было. Они раздевали гражданское население на оккупированной ими территории, и все это одевали на себя в надежде хоть как-то согреться и пережить зиму. Им было без разницы, что попадет под руки, дошло до того, что платки у женщин забирали и сами закутывались в них. Со стороны, конечно, это смотрелось несколько комично, но им было уже не до бравады, с которой они начинали с нами воевать. Мы воочию убедились, как с июня по декабрь, за какие-то шесть месяцев войны, немец стал другой. Гитлеровцы растеряли на наших полях свою самоуверенность в непобедимость германской армии. Ежедневно десятками они попадали в свои лазареты обмороженными. Убивали их не только мы, но убивал их и наш мороз.

Накрепко «закопавшись», мы переживали морозы и бураны. Близился 1942-ой год. В канун самого Нового года я и мои товарищи в одном из блиндажей поставили елку и украсили ее чем могли. Кто повесил на нее фото своих близких, кто-то вырезал какие-то кораблики из бумаги. В общем, старались как могли в минуты затишья скрасить себе новогодний праздник. Немцы в праздники не воевали и тем самым давали нам передышку.

В блиндаже было достаточно тепло от буржуйки, которую топили почти круглосуточно. Запах хвои стал наполнять блиндаж и многие впали в воспоминания довоенного Нового года.

— Вот у нас на Новый год обязательно шампанское было, и отец всегда заводил патефон, — сказал Серега с таким наслаждением в голосе, как будто он находился дома с родными.

— А ты откуда тезка? — спросил я, так как меня тоже звали Сергеем.

— Московский я, из Марьиной Рощи. Ох и отчаянные ребята у нас живут, — ответил Сергей и начал перебирать струны на гитаре. Чего-чего, а играть на гитаре он умел. И то, что отчаянный был, не раз было проверено в бою.

— А у нас обязательно папа переодевался Дедом Морозом и нам, детишкам, раздавал подарки, — с грустным вздохом продолжил кто-то вспоминать о Новом годе.

— Как они там, в оккупации на Смоленщине? Не успели эвакуироваться...

Старшина Диденко с шумом ввалился в блиндаж и начал вытряхивать из рюкзака на стол сухой паек и достал фляжку спирта, комментируя свои действия с

украинским говором.

— Оце хлопцы, командир розрэшив за устричу Нового року, для вас по-трошки.

— Добрэ, добрэ, — подхватил я его украинский говор. — О цэ будэ в самый раз для нас.

Все хлопцы в блиндаже одновременно начали «ржать» с моего украинского языка.

— Да ну вас, — сказал Диденко, махнув рукой. — Я пишов дальше, трэба успить всим роздаты, а то до Нового року осталось нэ так багато годин.

Когда он вышел, мы услышали, как на улице воеет метель и клубы мороза ворвались в наш блиндаж сплошным паром, как в парной.

Так как я был сержантом и старшим в блиндаже, я приказал бойцам:

— Серега, тезка, давай бери кого-нибудь в помощники и еще заготовьте дров, чтобы ночью не мерзнуть, а мы в это время накроем стол, встретим Новый год в тепле и сытости.

Мой тезка взял с собой двух бойцов и они пошли собирать топливо для буржуйки. Мы же тем временем начали готовить на стол, выгребая все запасы у кого что было.

На столе стало появляться много чего, даже колбаса - по тем временам деликатес невероятный. Кто-то из бойцов поставил на стол еще фляжку со спиртом со словами: «Лишнее не будет. Праздник все-таки».

В этот момент все молча, не сговариваясь, стали смотреть на меня с вопросом в глазах.

— Пусть стоит пока, а там посмотрим, — ответил я под напором взглядов моих однополчан.

Время продвигалось в суеде как-то быстро и незаметно. Солдаты стали заносить дрова и складывать у буржуйки.

— Ох и дает мороз, и пурга на улице. Хороший хозяин в такую погоду на улицу и пса не выгонит. Не то, что наш сержант, гонит нас на заготовку топлива.

— А тезка мой где? — спросил я заметив, что Сергея нет.

— Щас будет, — ответил один из бойцов и улыбнулся.

Не прошло и получаса, как все было готово и мы друженько уселись за стол. Только налили по чуть-чуть спирта, что бы проводить старый год, как в блиндаж ввалился мой тезка, да не один, а с молоденькой медсестрой, да еще с патефоном на руках.

— Вот принимайте. Прошу любить и жаловать наша медсестричка Мариночка. Она любезно согласилась встретить с нами Новый год. Все тут же вскочили, уступая место, каждый надеялся посадить Мариночку поближе к себе.

— Патефон вот трофейный вам принесла, правда пластинка только одна, — сказала Мариночка. — Но я думаю ничего, нам хватит.

Усевшись, наконец, все друженько выпили за уходящий год. Сергей взял гитару в руки и наигрывал какую-то веселую песенку. Кто закусывал, кто травил какую-то байку. В общем если бы это было не в блиндаже, то ничего даже не напоминало нам о войне.

Через некоторое время поступило предложение выпить еще по одной, за победу. Только взяли кружки, как открылась дверь, и в клубах пара появился наш капитан — командир роты.

— Ну, как вы тут празднуете? Вижу даже женщины с вами. Молодцы!

— Товарищ капитан у нас все спокойно, — ответил я командиру, — давайте и вы с нами за победу.

— Ну что ж, за победу, это можно, — ответил командир, и мы громко стукнулись кружками. Немного закусив, командир засобирился.

— Смотри сержант, что бы все было нормально. Не забывайте часовых менять почаше, а то мороз очень сильный.

Командир пошел по другим блиндажам. Я сменил часового и наш праздник продолжался. Все наперебой приглашали Мариночку танцевать под патефон, а когда

патефон надоедал, Сергей брал в руки гитару и исполнял песни. Умел этот простой московский парень играть и петь, да так, что заслушаешься. И вот на одной из таких песен, когда до встречи Нового года оставалось минут 30, не более, с большими клубами морозного воздуха к нам в блиндаж опять валился кто-то, если не сказать что-то. Непонятная фигура, закутанная в платке и вся запорошенная снегом. Так сразу мы и не разобрали. А когда пар рассеялся, и мы всмотрелись в непонятную закутанную фигуру, мы обомлели от неожиданности: перед нами стоял немец! Он еще не понял, где находится, так как очки его запотели, а протереть их он не мог. В руках у него был увесистый ящик в виде посылки. Он поставил ящик перед собой, снял и протер очки, а когда их одел, на него уже смотрели несколько стволов карабинов, и Сергей уже снимал с него его шмайсер со словами:

— Гутен морген, фриц. Ты как здесь оказался?

Он тоже понял, где он и начал растерянно лопотать:

— Я, я, фриц. Нихт шисен...

После этих слов весь блиндаж взорвался хохотом, а немец стоял в полном недоумении, как он здесь мог оказаться.

— Ничего удивительного нет. Такая пурга на улице, вот он и заблудился. Наш блиндаж крайний от них, — констатировал я.

— А где часовой?

Кто-то из ребят, накинув шинель, выскочил за часовым. Нашли его в соседнем блиндаже, куда он зашел погреться. После взбучки, я послал его за командиром. Командир наш пришел вместе со штабным переводчиком. Они допросили его, и нам стало понятно, что он получил паек для господ офицеров на Новый год и нес им в блиндаж, но сбился с дороги в такой буряне и попал в наш блиндаж. Как я и предполагал.

— Только не расстреливайте меня. У меня маленькие дети, — лопотал на своем языке фриц.

После допроса командир сказал мне:

— Ну, вы хоть накормите его что-ли. Вон, до Нового года осталось пять минут. Пойдем мы в свой блиндаж.

Командир с переводчиком ушли, а на мой вопрос: «Что мне с ним делать?», — командир не ответил, видимо уже дверь была открыта, от свиста ветра он не услышал.

— Ну, фриц, показывай, чем там ваши офицеры собирались встречать Новый год, — спросил Серега, поставив на стол ящик, который притащил немец.

Когда его открыли, там было чем поприбавлять. Французский коньяк бутылок 5-6, рыбные консервы, шоколад, который тут-же был передан Мариночке и много чего другого. Все это пошло на наш стол.

— На, выпей, немец, за нашу победу, — сказал кто-то из ребят, протянув немцу кружку со спиртом.

Немец сделал пару глотков и стал ртом хватать воздух, пока ему не протянули котелок с водой. Он жадно запил, видимо сказалось волнение, от которого пересохло в горле.

— Поешь, — сказал я, и подвинул к нему сало.

То ли от волнения, то ли от жары после мороза, а может и от спирта, немец разомлел и закусывал не очень активно. Тут мой тезка посмотрел на часы и начал всех приглашать к столу.

— Давай, давай, Новый год через минуту!

Все наполнили свои кружки.

— С Новым годом! Что бы мы разбили немца в этом году! — сказал Сергей.

— С Новым годом, ребята! — крикнула Мариночка.

Выпили и стали закусывать. Налили и нашему пленнику. Он опять выпил, и после нескольких попыток закусить, так и уснул, положив голову на стол.

Мы долго в блиндаже спорили, что делать с этим немцем. Предлагались разные варианты. Кто настаивал отвести его в штаб, кто предлагал тут-же расстрелять, а

Мариночка выдала версию.

— А давайте его отпустим, ведь праздник, а чудеса случаются только в Новый год!

И она молча стала обводить, скорее просящим, чем вопросительным взглядом всех присутствующих в блиндаже. А немец в это время мирно посапывал и не догадывался, что сейчас решается его дальнейшая судьба.

Но как-то видимо Марина смогла убедить всех тем, что в Новый год чудеса случаются, и основная масса присутствующих с ней согласилась.

— Мы их паек съели! — сказал Сергей. — Давай от нас положим что-то, ну не такие же мы свиньи.

Положили в ящик сало, хлеб, еще там что-то по мелочи и вместо французского коньяка кинули фляжку со спиртом. Разбудили немца, всучили ему в руки ящик и стали ему объяснять, чтобы он шел к себе в расположение. Он долго не мог понять, а потом поверить, что его отпускают. А когда до него дошло, он долго нас благодарил. — Данке, данке, — слегка кланялся немец. И попятился к выходу. Сергей и еще несколько ребят вывели его на улицу и указали направление, куда ему идти. Немец сделал пару шагов в пурге, и тут же пропал из виду.

Трудно поверить во все, что произошло. Люди на войне черствеют, озлобляются, но остаются людьми. Не смотря на то, что мы воюем с ними, мы отпустили этого немца.

Видимо желание жить пересилило нас. Ведь когда каждый день сталкиваешься со смертью, все становится не важно. Главное — жить.

Блокада

*Блокадное кольцо —
На шею мертвая петля.
Как много времени прошло,
Но позабыть никак нельзя.
Метроном по времени стучит —
Кому вперед, кому назад.
Там каждый третий был убит,
Спасая город Ленинград.
Мой мозг не хочет понимать,
Как можно так с людьми живыми?
Как можно жизни отнимать
За то, что родились другими?
Как можно голодом морить? —
Страшнее смерти не придумать.
Ведь легче было застрелить,
Чтоб о еде всегда не думать.
Блаженством был кусочек хлеба,
О нем мечтали вы всегда.
А голод бушевал свирепо,
Внутри блокадного кольца.
Трава — на завтрак, на обед.
Столярный клей тогда на ужин.
Казалось все неправда, бред,
Казалось город пал, задушен.
Глоток воды — за счастье был,
О кружке чая, лишь мечтали,
Небесной манной сахар слыл...
В борьбе вы гордо умирали!*

Последний вздох, а силы нет.
Откуда только появились?
Остался тела силуэт,
И вы в смертельной схватке слились.
Хватило сил петлю ту снять,
Дышать вам сразу стало легче.
Блокадное кольцо смогли порвать!
Не тощим телом, духом крепче!

Пожелтевшее фото

**Посвящается моему родственнику — фронтовику из
села Чкалово Сергею Сергеевичу Сидорову**

В избушке старой, справа на стене,
Висит там фото, что немного пожелтело.
На нем мой дед, пропавший на войне:
Он сам погиб, а фото чудом уцелело.
На нем солдат, на вид моложе моих лет,
Стоит в кругу друзьями окружен,
Им фронтовые байки «травит» дед
О том, как воевал и не был побежден.
Но так случилось, что погиб он на войне,
После Победы друг привез то фото.
С тех пор оно висит в избушке на стене,
Письмо с ним было на листке блокнота.
Почерк не разборчив, написано вразброд,
«Я вас люблю... прощаюсь... берегите...
Я остаюсь ребят прикрыть отход...
Так надо... по-другому не могу ...простите...».
И он остался. Навсегда. На той войне.
Он знал наверняка, что не вернется...
Письмо и фото привезли его жене,
Оно нам по наследству достается.
И я горжусь, как поступил мой дед!
Хоть навсегда остался он в сороковых.
И думаю, а смог бы я, в расцвете лет,
Остаться погибать ради других?

Последний ветеран

Недалек тот день и близок час,
Когда последний ветеран уйдет.
Уйдет он, навсегда покинув нас,
Эпоху целую с собою заберет.
Он топал до Берлина в сапогах,
Европу переполз на животе.
Победу со слезами на глазах
Навек он подарил своей стране.
Он воевал, не думал о награде,
Он погибал, вставал и шел сквозь ад.
Победным маршем шел он на параде,

*Герой, Освободитель — наш Солдат!
Пока он жив, пока он с нами,
Встаньте на колени перед ним.
Надел он китель с орденами,
Постойте рядом, голову склонив.
За подвиг тот великий — за Победу,
Будьте благодарны вы ему!
«Спасибо», — прошепчу я тихо деду,
И руку воина, конечно же, пожму.*

Поздно я родился

*Как жаль, что поздно я родился,
Когда уж не было войны.
Быть может, я бы пригодился,
Когда бои вели деды.
Я стал бы с ними в один строй,
А может с ними рыл окопы?
А может, стал бы я связной,
Ходил по партизанским тропам?
Ходил, быть может, в тыл врага,
В разведку и за «языком».
Не струсил и не предал никогда,
И внукам рассказал бы обо всем.
Хоть кем бы стал я в ту войну,
Я точно помогал бы деду!
Не в силах я менять судьбу
И вместе с ним ковать Победу!
Он жил тогда, а я сейчас,
Десятилетия прошли.
Свою смертью меня спас,
Чтоб жить спокойно мы смогли.*

Надежда

*У одинокой, треснувшей березы —
Поросший холмик с деревянною звездой,
Старушка рядом проливает слезы,
С белой, поседевшей головой.
И в каждой капле столько боли, горя,
Что нет тех слов, чтоб горе описать...
Такая видно у солдаток доля —
Оплакивать, а в сердце где-то — верить, ждать.
Как тысячи других солдаток ждут!
Надеются на чудо, верят,
Что их мужья с войны придут
И тихо в дом откроют двери.
Не верят похоронке той, потертой,
Что вся размыта от соленых женских слез,
Ждут день за днем, с душой простертой
У одиноких, треснувших берез...*

Но не придёт он больше на парад

Пройдёт всего десяток лет
И вновь наступит майский день.
Победы день — не раз воспет,
Но до сих пор он нам священ.
К параду будет все блеснуть:
Войска, и танки, и ракеты.
Но нам придется сожалеть,
Нет с нами тех, о ком поэты
Писали песни и стихи.
Ни полководца-генерала
И ни штабиста из полка,
Ни одного из тех, кто умирая,
Вставали с криками «Ура!».
Ветерана, старого солдата,
Что нес войны невзгоды на себе,
Войну, который выиграл когда-то,
И написал в рейхстаге на стене:
«Сюда дошел. Конец войне!».
Вояка старый не начистит ордена
И в этот раз на праздник не придет,
Когда в молчании замрет его страна,
Он руку к козырьку не поднесет.
Цветы, салюты, «Марш славянки»,
Все будет такое, как всегда,
Но пустота на правом фланге
Нам не привычно бросится в глаза.
Он не придет к нам больше никогда.
Прошел всего десяток лет
И вновь пришел тот майский день...
В полку бессмертном лишь портрет —
Солдат наш старый незабвен!
Святыни прошлых лет храним,
Мы помним Брест и Ленинград!
Процесс житья не обратим,
И не придет он больше на парад,
Наш ветеран, простой Солдат!

Размышления о войне

Я представлял себе войну!
Не представлял ее такую:
Когда бежишь и на ходу
Ты грудью ловишь смерть шальную.
Когда глаза залиты кровью
И нере стучит в висках, как молот.
А чувства все зажаты болью
И в страшный зной, в ошолобленность

Когда товарищи вокруг
Легли от пуль и от разрывов
И нет надежды, что твой друг
Шагнет вперед в устах с призывом:
«Ура! Товарищи, вперед!», —
Рванет за ворот гимнастерки:
«Пришел, как видно, наш черед!»,
И тут же рухнет от осколка.
А сколько их уж полегло?
Десятки, тысячи? Иль сотни?
Кто жив остался — повезло!
Ряды погибших — уж бессчетны!

О чём молчит ветеран?

О чем молчишь ты, ветеран,
В строю у вечного огня?
Душа болит от старых ран,
И рядом не твои друзья?
В сороковых ты потерял кого-то,
А кто-то позже, по ранению «ушел».
Родную матушку-пехоту,
Огонь войны в себе перемолол.
Сюда пришел сейчас с цветами,
Вдруг сердце защемило у тебя —
Под мрамором друзья твои здесь сами,
Ложат и смотрят прямо нам в глаза.
Они в бою тебя собой прикрыли,
Чтоб в этой жизни ты их смог прикрыть.
Ах, как же они жизнь тогда любили!
Ах, как они тогда хотели жить!
Ты здесь стоишь с молитвой на устах,
Поверь, ты сделал все, что только смог.
Ты жизнь прожил за павших в тех боях,
И есть тому свидетель — это Бог.

**Ветераны Великой Отечественной войны Тайыншинского района:
Перфильев П.Ф. и Ястремский И.М., 2018 год**

Аркадий ТААК, учащийся 5 класса Яснополянской СШ

Письмо прадедушке

Здравствуй, прадедушка Франц!

Пишет тебе из далёкого две тысячи двадцатого года твой правнук Аркадий.

Мы не знакомы лично, я знаю о тебе только из рассказов бабушки. Она мне рассказывала о том, как в 1944 году из далёкого от фронта Казахстана был призван в действующую армию её отец, Лисовский Франц Антонович. Каждая семья в те годы жила вестями с фронта. Каждый солдат письмами поддерживал свою семью, давая силы родным трудиться, жить и растить детей.

Прадедушка, я изучил твой боевой путь. Знаю, что рядовой Лисовский Ф.А. проходил службу в 764 стрелковом полку, был стрелком. Эта воинская часть освобождала территорию Украины. Я учусь в 5 классе, и учитель истории нам рассказывал, что пехота — основной род войск в сухопутных войсках. Пехоте достается основная тяжесть боя, на её долю выпадают самые большие жертвы. Вот и ты был тяжело ранен в 1945 году, а то бы дошёл до Берлина.

Сохранилась, прадедушка, твоя награда — медаль «За победу над Германией». Но я думаю, что героизм солдат во время войны не измеришь ни орденом, ни медалью. Смотришь фильмы о войне и видишь ужас, разрушения, смерть. Как вы смогли победить? Я восхищаюсь вашим великим мужеством!

Я горжусь тобой, прадедушка! Ты отстоял честь и независимость своей страны. Память о тебе живёт в нашей семье, она останется в моём сердце.

В нашем селе Ясная Поляна Северо-Казахстанской области все жители помнят о событиях Великой Отечественной войны, чтят подвиг солдат. Каждый год 9 мая взрослые и дети, ветераны труда собираются возле памятника советскому солдату на торжественный митинг, посвящённый дню Победы. Проходит шествие «Бессмертного полка», и я несу твой портрет. А мои товарищи несут портреты своих прадедушек. Время идёт, и сейчас среди односельчан уже нет в живых ни одного ветерана войны. Но мы, прадедушка, ведём ваш полк, вы — в бессмертном строю, потому что мы вас помним.

Прадедушка Франц! Пишу тебе, чтобы поблагодарить за мирное детство.

Больше всего я хочу, чтобы война не повторилась. Миллионы солдат, и ты в их числе, подарили нам жизнь. Это письмо — как встреча с тобой, возможность сказать спасибо, рассказать о нашей счастливой жизни.

Обнимаю тебя. Твой правнук Аркадий.

*Елена ГАЕР,
с. Келлеровка*

**Памяти родных, деда Куковинец Никиты Ивановича и
дяди Куковинец Михаила Никитовича, погибших на войне**

Когда шагают по планете
Ряды бессмертного полка,
Весенний воздух чист и светел,
Грущу, и грусть моя легка...
Давно когда-то, в раннем детстве,
Никак понять я не могла,
С каким волнением День Победы
Встречала вся моя семья.
С особым трепетом, почтеньем
Отец мой праздник тот встречал,
По улице села родного
На сельский митинг он шагал.
На неказистом обелиске
Родных погибших имена,
Приспущены с печалью низко,
Алеют кровью знамена.
Ушел отец сорокалетним
В тот май — война повсюду шла,
А в октябре, холодным утром,
В дом похоронная пришла.
Рыдали мать, жена и дети,
Жизнь в доме будто замерла...
А то, что сорок лет — так мало,
Я лишь недавно поняла.
Но в душах теплилась надежда,
Что сын вернется невредим,
Что, наконец, врага-фашиста
Мы непременно победим.
Как брата ждал отец мой с фронта,
Ах, как же он гордился им!
Ему б он был отцом и другом,
Пришел бы только он живым.
Он был высоким, ясноглазым,
Его любовь с войны ждала,
Я именем «подобный Богу»
В его честь сына назвала.
Уже салюты отгремели,
С войны домой солдаты шли,
И снова в дом тот треугольник
Мрачнее смерти принесли.
А им бы жить, пахать бы землю,
Растить детей и сеять хлеб,
Но где-то в поле затерялся,
В земле чужой растаял след.

Куковинец М.И.

А дома пара похоронок
 И писем желтые листки,
 Да пара с фронта фотографий —
 Уж стерты милые черты...
 Плынут, плывут ряды, колонны,
 Им нет ни края, ни конца.
 Я в возмужавшем сыне вижу
 Черты родного мне лица.

**Памятник воинам-землякам, погибшим в годы
 Великой Отечественной войны в 1941-1945 гг., в с. Келлеровка**

Любовь ГАЛИЦКАЯ,
с. Чкалово

Бессмертный полк

Бессмертный полк
Шагает по стране.
В людской поток
Вливаются колонны,
Портрет надежно
Держит внук в руке,
Он не один —
Несут их миллионы.
А на портретах —
Лица молодых,
Мальчишек юных
С выпускного бала.
И шансов выжить
В пекле той войны
У них, конечно,
Было очень мало!
Не вычеркнуть
Из памяти людей
Блокады дни,
Тяжелый штурм Берлина,
Страх похоронки:
В дом их принесли
В конце войны
На брата и на сына.
И где бы ни сражался
Тот солдат —
Под Киевом, Одессой,
Под Москвою,
Нам нужно помнить
И без красных дат
Своих защитников,
Своей страны героев!

***

**Посвящается казахстанцам — героям панфиловской
дивизии, защищавшим Москву**

Горела под снарядами земля,
И плавилась стволы у пулеметов.
За спинами бойцов была Москва,
А их в живых осталась только рота.
Атаку отбивали, как могли,

Казалось, что уже иссякли силы.
Звучал мольбой всех матерей наказ:
«От смерти нас спаси, сыночек милый!».
И выстоять смогли назло врагам,
Москву на разграбленье не отдали,
Звонят напоминанием всем нам
На кителе, в шкафу звонят медали...

Ах, как хочется жить

Ах, как хочется жить
Без войны и без воя снарядов.
Просыпаться с рассветом,
Цветы на лугу собирать.
Эхо прошлой войны —
Воевали не ради награды!
Наши деды Отчизну
Смогли от врагов отстоять.
Ах, как хочется встать
На вершину крутого утеса,
Разогнать черный дым
От военных пожаров и гроз,
Чтобы детям Земли
Смерть от атомных взрывов
На себе испытать никогда,
Никогда не пришлось.
Ах, как хочется всем
Пожелать только мирного неба,
Беззаботного детства
Для наших прекрасных детей,
Чтоб планета Земля
Не скатилась в бездонную небыль,
А светилась бы счастьем
На лицах своих матерей.

*Светлана ГОЛИКОВА,
г. Тайынша*

Мы за мир на Земле

*Мирно спала страна, все ещё живы были,
Небо июня война ужасом вдруг накрыла.
Наш поднялся народ, Родину защищая,
Сильный к нам враг пришёл, калеча всех и убивая.
Из каждого дома мать детей на войну провожала,
Прощаясь с сыном, она сердце своё отдавала:
«Милый мой и родной, кровинка моя дорогая,
Ты ведь вернешься домой, трудно тебе, я знаю.
В крошечном аду и огне, громи врага не уставая,
С победой вернись ко мне, тебя я благословляю» ...
Пять лет тяжелых боев, ужаса, крови, смерти,
Взрывы и танков рёв, мертвые сёла, горящие степи.
Всё перенес солдат и шёл на Берлин, побеждая,
Теряя от пуль друзей, мирных людей защищая.
Тыл фронту всегда помогал, страна раньше солнца вставала,
И у станков юнцы ночью почти не спали.
Усталые вдовы и старики для фронта еду отправляли.
Железнодорожники, тыловики вместе стране помогали.
И не было распрей меж них, беда навсегда их сплотила,
Последнюю крошку еды с соседями все делили.
Победный май радость принёс и от беды исцеленье,
Вернувшийся с фронта домой, сын принимал поздравленья.
75 лет прошло, уж третье растёт поколение
Тех, кто домой пришел и помнит войну и сражения.
Другая беда сейчас — где все, что тогда рядом жили,
Неужто души тепло наше вы позабыли?
Народы советских республик, что нас теперь разделяет?
Разве родители наши не общую Родину защищали?
И пусть летит весть моя, шар земной облетая,
Чтобы счастливо жили сейчас ты и я,
Наши Деды жизни свои отдавали.
Нет между нами преград, сами мы их воздвигаем.
Выйдем все на парад, с Победою всех поздравляя.
От них нам наказ простой: быть вместе, как побратимы,
Мы с вами за мир на Земле, а вместе мы непобедимы.*

Памяти фронтовика

**Посвящается моему свёкру, участнику Великой
Отечественной войны Николаю Семёновичу Голикову**

*Седой, усталый человек,
Молча сидит, газету листает*

Делает вид, что меня не слышит,
И никого вокруг не замечает.
— Папуль, расскажи хоть чуть-чуть,
Как вы на войне воевали,
В школе внушка расскажет ваш путь,
Чтоб помнили и не забывали.
— Ну что ты пристала ко мне, егоза,
Давай расскажу, как с медведем встречались,
Малину в лесу ели вместе с куста
И мирно тогда разбежались.
Пойми, очень больно, и я устал,
В годы войны возвращаться,
Я с сорок третьего воевал,
И мне тогда было только 17!
Безусым юнцом я с отрядом ушёл
С жестоким врагом сражаться,
Связистом к Жукову в штаб пришёл...
С заданий живым возвращался.
В Прибалтике был, по Юрмале шёл,
В степях России, в горах Закарпатья.
Друзья погибали, меня «Бог отвёл»,
Когда кабель тянул, налаживал связь я.
А вот Кёнигсберг не забыть мне никак,
Лишь чудом в живых я остался,
О штурме его расскажу я сейчас
И какую он ценой нам достался.
Взрывы, огонь, рёв танков, обстрел,
И «жуть» воцарилась такая,
Что не забыть мне её и теперь,
Я часто тот день вспоминаю.
Мы научились врага побеждать
И одолели фашиста...
Ну, хватит о грустном нам вспоминать,
Неси «Валидол», детка, быстро!
Живите все дружно, дети мои,
Друг друга любя, оберегая.
Сейчас я хочу отдохнуть чуть-чуть.
Давай помолчим с тобой, дорогая...
Надёжный солдат, верный друг и отец,
Мы часто тебя вспоминаем,
Отцовский наказ и тепло души
Мы помним и не забываем.

Казахстанцы

Ноябрьский снег сорок первого года
Выпал на Волоколамское шоссе,
Не взирая на мороз и непогоду,
Шли панфиловцы к деревне по тропе.
«Защитить шоссе к столице надо! —
Строгий дан приказ политруку.—
«Проявите доблесть и отвагу,
Но нельзя к Москве пройти врагу».
Двадцать восемь казахстанцев было

У деревни Дубосеково тогда,
Как панфиловцы все танки разгромили,
Помнят, чтят потомки сквозь года.
...Слышно было — танки грохотали,
По шоссе хотели пролететь,
Но такой отпор им люди дали,
Было счастьем в боине уцелеть.
Восемнадцать новеньких подбитых танков,
Догорали тихо у села,
Но колонна на подмогу немцам
Так в тот день не подошла.
Кровью, гарью, порохом и взрывом
Перемешан был ноябрьский снег,
Там геройски люди погибали,
Чтобы в мире жил ты, Человек.
Пусть степи Казахстана не видели войны,
Но доблестно сражались в боях его сыны.
Один миллион двести тысяч солдат
Ушли с Казахстана с врагом воевать,
Каждый второй не вернулся назад,
Но помнит их подвиги Родина-Мать.
Я к обелиску звезды не несу,
Они — капли крови на белом снегу,
Спасибо погибшим сказать я могу,
За то, что я мирно живу и дышу,
Мы сделаем всё, чтобы внуки узнали,
Какою ценой нам Победа досталась.

Тальянка

Скоро рассвет. Слышится голос тальянки,
И «Риориту» поет боец-партизанка,
Лес их укрыл, домом стал им на годы,
Чтоб уходить в разведку или в походы.
Пусть и ушли наши войска, отступая,
Но под врагом осталась сторонка родная,
Вот допоят и простятся с друзьями ребята,
Тихо уйдут, взяв взрывчатку, мины, гранаты.
Где-то состав вражеский к ним прибывает,
И под откос отряд наш его посылает.
Снова в лесу встретит бойца партизанка,
И у костра как всегда заиграет «Тальянка».
Били фашистов в тылу, жителей сёл защищая,
Верили: наши придут, от зла освобождая.
И на свободной земле вновь заиграет «Тальянка»,
Вместе с друзьями споёт девушка-партизанка.

Чтобы не было войны

Под мирным небом много лет
Мы до сих пор вольготно жили,

*И подвиги солдат в войну,
Мы помним, чтим и не забыли,
Как предрассветный бой и взрывы
Заставы мирные будили.
Война пришла в наши края,
Сжигая села и поля.
В сороковые - роковые,
Прощаясь с домом навсегда,
Вы уходили на войну, родные,
Освобождали наши города.
Под вой сирен, свист пуль и взрывы,
Громя фашистскую орду,
Вы показали героизм и силу,
И уничтожили беду!
Осталось тех, увы, так мало,
Кто принимал неравный бой,
Кто защищал детишек малых,
Нашу судьбу и нас с тобой.
Со всей большой Страны Советов
Сражались доблестно сыны,
Друг другу жизни доверяли
И были дружбе той верны.
В победном мае завещали,
Чтоб не было у нас войны.
И мы заветы наших предков
Исполнить в точности должны.*

Родина

*Война была кровавая, жестокая война,
Коварный, хитрый враг пришел, напав на города.
И встали люди мирные, пожертвовав собой,
Защитники страны большой пошли на смертный бой.
Земля стонала от беды, от жутких палачей,
От дыма каждодневного концлагерных печей.
Мы помним Бухенвальда зvon, Освенцим и Хатынь,
Как над рейхстагом водрузили флаг русский и грузин.
Народ страны единым был в тылу и на войне,
Мы дружбой своей верно сильны были в двойне.
Врага громили вместе мы и летом и зимой.
С Победою великою вернулись вновь домой.
Уж много лет прошло с тех пор, нет той страны большой,
Что не сумел коварный враг, то сделал свой герой,
А Родина всех нас зовёт, мы из одной страны,
Как многодетная семья, все дети ей нужны,
И пусть сейчас своей семьёй живут твои сыны,
Мы пожелаем счастья всем, чтоб не было войны...
И как родная мать в семью, ждёт в гости сыновей:
«Ты приезжай хоть иногда», приятно будет ей.
Так выйдем вместе на парад, за дедов и отцов,
Что отдавали жизнь для нас, не требуя чинов...*

Сауле ЖАНАБЕРГЕНОВА,
с. Аккудук

Разведчик

В воинской части, где служил мой отец Мусакан Мусин, шли последние приготовления к штурму столицы фашистской Германии — Берлина. Были подвезены необходимые боеприпасы, горюче-смазочные материалы, накопленные для преодоления водных преград, плавсредства. Когда до начала общего наступления остались считанные дни, вызывает командир 936-го артиллерийского полка 17-ой артиллерийской дивизии, подполковник Гордеев командира отделения разведки, сержанта Мусина и говорит: «Нужен «язык», да поважней. «Есть, будет исполнено!» — отчеканил сержант.

Опытный разведчик знал, что плотность вражеских войск большая, и что они в эти дни бдительны, и, следовательно, взять «языка», к тому же, «поважней» будет очень трудно. Ко всему этому, он учитывал, что предстоит форсировать широкую, глубокую преграду. Под покровом ночи три разведчика: сержант — казах Мусакан Мусакан, младший сержант — Анатолий Зайцев и рядовой узбек — Кизир Рахимов переправились на противоположный берег и устроили засаду, на второй день им удалось, захватив гитлеровца, вернуться в свою часть. Правда, пленный оказался всего лишь ефрейтором, но дал ценные показания, это был последний 37-ой по счету «язык», взятый во время войны отважным разведчиком М. Мусиным.

Шли кровопролитные бои в Берлине, бились за каждый квартал, каждый дом, превращенные гитлеровцами в крепости. Напуганные гебельсовской пропагандой об азиатском варварстве русских, вражеские солдаты сражались с упорством обреченных. За каждым углом притаились «фаустики», но советских воинов невозможно было остановить.

Действуя штурмовыми группами, они выбивали врага из занятых им домов, ставили сложить оружие, и всегда на помощь стрелкам, танкистам и артиллеристам приходили саперы, а с ними и разведчики, взрывавшие на улицах сооруженные гитлеровцами укрепления, огнеметами выкуривавшие вражеских солдат из бункеров и подвалов.

Мой отец дошел до Рейхстага, оставил на его стене надпись «Сержант М. Мусин», он награжден многими орденами и медалями. Среди них боевые награды: орден Славы III степени, орден Славы II степени, орден Отечественной войны II степени, Знак «Отличный разведчик» и «Артиллерист», медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За участие в героической обороне Ленинграда», «За участие в героическом штурме и взятие Берлина». Получил Благодарность от главнокомандующих группы Советских оккупационных войск в Германии генерала армии Соколовского и члена военного совета группы Советских оккупационных войск в Германии генерала лейтенанта Макарова.

В мирной жизни мой отец честно трудился. За свой труд он тоже получил награды: медаль «За освоение целинных земель» в 1956 году, а в 1988 году - медаль «Ветеран труда».

Сейчас уже нет моего отца, но память о нем останется в наших сердцах. Хочется сказать всем фронтовикам нашей страны: «Низкий вам поклон! Герои! Солдаты Победы! Никто не забыт! Ничто не забыто!».

Николай ЖДАНОВ,
с. Калиновка

Я не видел той страшной войны...

Не будет солдат о войне говорить:
«Салюты, награды, победы»...
Потери и боль никогда не забыть
Нам, память — наследство от дедов.
Я не видел той страшной войны,
Раскалившийся ствол пулемета,
Но снятся порою тревожные сны
И зовет меня шепотом кто-то.
Зовет он и душу тревожит мою,
И нет мне ни сна, ни покоя,
И вот уже там мы в последнем бою,
В багровой заре над рекою.
Секунды, как вечность, команда: «Вперед!»
И рота в атаку лавиной.
Там враг мою землю снарядами рвет...
Нет роты, а лишь половина.
Мы в праведном гневe в атаку идем,
Ни жалости нет, ни пощады.
И вот уж с налета окопы берем,
Сметаем любые преграды.
А этот мальчишка... так жить он хотел,
Так верил он в чудо упрямо...
С надеждой в глаза он мои посмотрел
И вымолвил шепотом: «Мама»...
Подводную лодку торпеда карежит,
А в море — страшней, чем на суше.
Лишь только Всевышний сейчас нам поможет...
Спасите невинные души.
Горит истребитель, как факел в ночи,
Судьбы моей тайны сокрыты.
Мой ангел-хранитель устало молчит
И росчерк наш — метеоритом...
Рыжая Вера — курсант, медсестра,
На солнышко очень похожа,
Но нет тебя больше, убили вчера,
За что же, сестрeнка, за что же?
А сколько же вырыл я братских могил,
Соленые слезы глотая,
А скольких друзей я своих схоронил,
Вам вечная память святая.
Я в море тонул, в самолете горел,
Из праха вставал, ради жизни.
Никто той проклятой войны не хотел,

Свой дом защищая, Отчизну.
Нас миллионы в смертельном бою,
Не изменивших присяге,
Вам кланяюсь низко и честь отдаю.
Победа! Наш флаг на Рейхстаге!

Солдаткам

Треугольник-письмецо,
Завитушки-строчки...
Упорхну я на крыльцо,
Просижу до ночи.
Заблестит слезинка
Звездочкою-крошкой,
Теплою росинкой
Скатится в ладошку.
Весточка от милого —
Радугой в полмира,
И зимой унылою
Сладкозвучья лира.
Памятной весною
Взвился алый флаг,
Кончено с войною,
Побежден Рейхстаг.
Раскачалась вдруг луна,
Елку надломил...
Постучался у окна
Долгожданный милый.
Возвратился сокол мой
С золотой звездой.
Приглашу его домой
И слезой умою.
А к зиме сыграем
Свадебную сцену,
Только мы лишь знаем
Ожиданью цену.
Заискрятся снегири
В белоснежном поле,
Буду счастьем до зари
Любоваться волюю.
Фронтовые расставанья,
Извещенья кратки...
И годами ждут свиданья
Верные солдатки.

Шентуны

РАСКАЗ

И шо ты глаза выпучила? Я имею тебе сказать, шо ты царевна тильки тута, в своей хате — вернее в болоте. Так и сиди на своей кочке и не квакай, Царевна-

Лягуха, напыжилась со зляку, чи шо? Тоже мне — лешака побачила, — откуда-то из вселенной доносился голос Яшки-Соломона.

С трудом открыв глаза, я увидел и трон-кочку, и Царевну-Лягушку, и торчащую из болота голову автора этого монолога с черными кудрями, всю облепленную тиной, и его глаза с прыгающими чертенятами, жаждящими прожить, как минимум, тысячу лет.

Из разрозненных обрывков складывалась картина событий последних трех суток. Мы — это три торчащих из болота головы, странное совпадение «три» — чего только на войне не бывает, так вот, мы — полковая разведка, получили приказ добыть сведения о противнике. Притихли они что-то, того и жди очередную пакость, а неизвестность на фронте — ну, не по-нашему это как-то. Мы должны знать все их планы и бить этих гадов наверняка. За все, за все, за все! И вот мы тут, в болоте. И тишина. Не слышно автоматных очередей, злобного лая овчарок и этого ненавистного крика фашистов, возомнивших себя богами, повелителями мира, вселенной.

Мы вчетвером, я — Гордей, сибирский казак, Нурсултан — сын казахских степей, Яшка Соломон — одессит и наш верный союзник — жди очередную проверку, провернули одно привычное и совсем не трудное дельце. Взяли займы на неопределенное время в их, ну, в немецком прифронтовом штабе, папки с секретными документами.

— Ну, и «шухер» мы им устроили, с фейерверком, — заикаясь от восторга орал Яшка Соломон. А теперь ноги в руки, и айда до дому. Целые сутки нас гнали по болотам и густому лесу.

Мы дома — это наша земля, и нам каждый кустик и кочка друг и защитник. Злость на врага и радость, что мы их «сделали», несла нас на крыльях победы. А они, возомнившие себя сверх-людьми, испытывали страх, холод и презрение этой чужой им земли.

Еще двое суток шарахались по лесу и болотам, пытаясь нас догнать. Болота, родные болота схоронили нас, приняв в свои объятия. И ни одна собака со сворой сопровождающих не посмела к ним сунуться.

Тишина. И снова голос Яшки-Соломона.

— Нурик, ну ты шо такой смурной? Во, какой деликатес на нас смотрит, любой француз пальчики оближет, а ты морду кривишь. И шо я имею сказать, пора нам хлопцы до хаты собираться. Без нас уже три раза фронтовых сто грамм выпили. Хочу им в глаза пожелать: «На здоровье, братаны»!

«Шептуны» вернулись, ликовало солдатское радио. Наши фронтовые сто грамм дождались нас, сняв усталость и оберегая наш покой, подарили нам отличное настроение. Проспали сутки.

Шептуны — это мы, вернее наша тройка, прошедшая через все возможное и невозможное, а чем и как оно измеряется это невозможное, лучшее, наверное, и не знать. Как говорит Яшка-Соломон: «Не лякайтз сами сэбз» — «Не пугайте сами себя».

Так вот, я, Шепелев Гордей, сибирский казак с Енисея, охотник-промысловик, здоровьем Бог не обидел, бывало, и на медведя ходили, вижу и слышу свой лес от и до. Это мой дом родной. Так и приклеилось ко мне прозвище «Следопыт».

Тугаев Нурсултан — наш Нурик, казах, по-восточному немногословен. Отличный теоретик. Наделен от природы исключительным слухом, виртуозно играет на домбре, его конек — легенды, былины, одним словом, «Композитор».

Ну, и Нурик Яков, еврей, одессит, бывший беспризорник, вор-карманник, вырос

в детском доме. Руки золотые, сочинить небылицу — раз чихнуть. Известен всей Одессе, как Яшка-Соломон. Любитель быть в центре внимания. Берегись новичок, концерт бесплатный до колки в животе. Увидев интересную вещь у кого-либо стоящего рядом, одессит подходил к нему со словами: «И шо я имею сказать вам, у меня есть точно такая же, но мне совсем не нужная, и я желаю вам ее подарить, так шо вы на это скажете?» И тут же протягивал ему часы, ловко снятые с руки новичка, пока тот соображал, что сказать ему — «да» или «нет». А разведка — народ суеверный, хотя не верит ни в черта, ни в Бога, а вот приметы — это да. Вот так и получалось, что по начальным буквам наших фамилий сложилось Шеп-Ту-Ны. А это ведь не просто так! Что-то в этом есть!

И вот, собираясь на очередное задание, мы-то у всех на виду, а ходили исключительно втроем, крепко обнявшись, шептали что-то непонятное и загадочное, вполголоса, то громче, то тише. Сначала это была просто веселая шутка. Ведь нам всего по двадцать лет, и мы так хотим жить! И удача — это все то, что нужно солдату на фронте — всегда была с нами! Эта шутка сначала вошла в привычку, а потом в уверенность — что это наш Ангел-хранитель. И чтобы меньше его тревожить, мы надеялись только на себя, позволяя Ангелу-хранителю как можно больше отдыхать. А до конца войны еще ого-го!

Легенды рождаются не на пустом месте. Пошел по фронту слухок: «Шептуны работают». А кто такие шептуны и какая сила их оберегает, каждый представлял по-своему, и старался хоть немного быть на них похожими, и все свято верили: «Шептуны — это что-то почти сверхъестественное, неведомая магия, волшебство, люди, хранимые тайною звездой».

Вот уже два года, мы, как нас еще называют за глаза «Святая троица», работали не жалея себя, на грани и за гранью невозможного. Возвращались из поисков усталые, оборванные, с синяками и шишками. Но что самое удивительное - об этом мы боялись говорить и даже думать. Без единой царапины, не говоря уже о ранении. Разведка — народ суеверный.

Новый 1944 год. Мы вернулись из «гостей» с хорошими подарками. Для штаба привели «птицу высокого полета» — матерого офицера с крестами. Ну, а для своих «корешей» Яшка-Соломон припас полрюкзак хорошего трофейного шоколада.

Встречали Новый год не в землянке. В просторном доме на краю села, ждала нас наряженная елка, Дед Мороз — из своих родных братушек и Снегурочка в шинели и шапке ушанке. Это наша новая медсестра. Аннушку, нашу любимицу, прошедшую с нами огонь и воду, по рапорту перевели на другой фронт, там воевали два ее брата.

Галантно поклонявшись и расшаркавшись, владелец рюкзака вывалил к ногам Снегурочки весь шоколад и представился:

— Яшка-Соломон...

Такой тишины мы никогда не слышали. Удивленное и радостное лицо кавалера застыло на целую минуту, когда он услышал от Снегурочки: «Я ваша новая медсестра, можно просто Аня». Не меняя маску на лице и повернувшись к нам, одессит громко и медленно произнес «Я имею вам сказать, шо если хоть хто плохо о ней даже подумает, я к вашим услугам, господа».

Новый год встретили с пожеланиями скорого конца войны и мечтой вернуться домой, чтобы дождались нас наши мамы. Молодость брала свое. Травили байки, громко ржали над шутками, танцевали, звеня медалями и орденами, заодно блестели новенькие награды. Только наша святая гордость — Яшка был в полном «ступоре», но как и все, веселился. Шутки-прибаутки, были и небылицы. Но это был не он, не настоящий. Он был не с нами, а в каком-то неизвестном нам и ему мире. И даже не заметил, как наш «Композитор» Нурик принес домбру, завернутую в голубую, бархатную мантию — его подарок, и нежно касаясь струн, перенес нас в неведомый волшебный мир степей.

Душою играл «маэстро». Мы видели орла, парящего над степью. Гулкий шум косяка лошадей у водооя, журчание родника, песню жаворонка — мы слышали

наяву. Чувствовали запах кизячного дыма, поднимавшегося над казаном возле юрты, тоску и молитвы матерей, ждущих своих единственных и ненаглядных — малышей, мальчиков, джигитов живыми и невредимыми. Обо всем рассказала домбра. Для тех, кто слышит ее сердцем, нет лучшего друга, и все притихли, украдкой утирая слезу. Играет домбра.

Сколько же нам горя и страданий принесла война. И желание добить, уничтожить, растоптать врага в его логове — Берлине, было самым сильным в эту новогоднюю ночь 1944 года.

Яркая вспышка молнии между Яшкой и Аннушкой породила такую же светлую и чистую любовь. Для нас всех это было знамение небесное, что жизнь — есть вечность. А когда мы узнали, что Аннушка тоже детдомовская, как и Яшка, много сирот после гражданской войны верили, что найдут тех единственных и родных на всем белом свете, без которых и солнце не греет, и радость не тешит, мы стали оберегать их, как самое надежное и светлое, что можно встретить в хаосе войны.

Аннушка белокурая, с большими серыми глазами и мягким, нежным голосом и Яшка с черными кудрями, легкий на подъем, искрометным одесским юмором стали для нас талисманом чистоты и верности. Кстати, для многих было непонятно при первой встрече с нашей легендой-одесситом, что за гордость и шик его шевелюра и тельняшка, и почему только у него?

До того, как попасть к нам в разведку рота матросов, где служил Яшка, защищая Одессу сбросили врага в море. В штыковой атаке много братков полегло, а он живой и невредимый вернулся в свои окопы, вот только правое ухо, толи осколком, толи штыком напрочь отсекло...

— Маскировка для разведки — дело первое и главное, — шутил по этому поводу Яшка.

Нурик, наш тихоня Нурик, казавшийся таким далеким от реальности, в любое время суток был в готовности номер один. Это его тонкий слух и точный расчет были гарантом нашего успеха.

В один из осенних слякотных дней мы вышли на поиск. Во что бы то ни стало, нужен был «жирный язык» — так называется пленный офицер, чем больше чин, тем лучше. Ничего интересного не происходило. Линия фронта далеко позади, там, как всегда, лениво шла перестрелка. Фронт готовился к наступлению, и нам нужно было выяснить все об обороне противника, огневые точки, их численность, зону обстрела. Разведка боем — это десятки жизней наших бойцов, и они будут на нашей совести, если мы вернемся «пустые». С утра по дороге, где мы устроили засаду, началось движение. Мы спокойно наблюдали, запоминая все увиденное. Ближе к обеду Нурик притих, потом стал поправлять на себе снаряжение, проверяя все ли на месте. Это была верная примета охотника, обладавшего особым чутьем, что крупная добыча где-то рядом. Протарахтели два мотоциклиста, прошла колонна машин. Все стихло. И в этой тишине «мозг» нашей разведки подал сигнал-знак: «Берем».

Сопровождаемый двумя мотоциклами с автоматчиками, приближался «Опель». Все как обычно. Шептуны работают молниеносно, мы одно целое. И в этот раз все, как по нотам, разыграл наш «Композитор». Уходя с портфелем и планшетом врага, которому мы «подарили» тишину и вечный покой, я заметил, как из-за машины выглянул автоматчик. Мой охотничий нож просвистел быстрее пули.

Взяли наши войска и этот рубеж. Не тот уже фриц стал. Из наглой и орущей орды превратился в трусливого, побитого шакала. С мечом пришли, от меча и погибнут! Не одну сотню пацанов спасли «шептуны». И их Ангел-хранитель, еще больше укрывал своими крылами и любовью, эту «Святую троицу».

— Ты у нас «особый талант», тебя Бог в макушку поцеловал, — ворчал на меня Соломон. — Вон, какой силищей наградил, аж на троих, а я должен этого поганого «языка» на себе тащить, да шоб ты во сне вареники побачил, и шоб у тебя аппетит пропал, шоб тебе петух яйцо снес, и вообще ты мне не друг после этого, — Яшка не умолкал и хитро поглядывая на Нурика. — Да какой же ты «Следопыт», если

позади нас плетешься....

Погоня... Бывало и похуже, стрелять нельзя, чтобы себя не обнаружить приходилось втихую ломать хребты этим шакалам. Прикрывать наш отход — это моя работа. На медведя ходил, а тут мелочь паршивая.

Обожали мы нашего одессита. Ворчит — значит все отлично. Да кто мы без него? А я гордился своим «особым талантом». Сколько раз выносил на себе разбитого, усталого «Композитора» или вот эту «балаболку». Я любил их и оберегал на правах сильного, и они мне отвечали такой же любовью, преданной и искренней. А иначе — мы не разведка.

Весна, 1945 год. Каждое утро мы просыпались с надеждой, а вдруг сдох Гитлер и война кончилась! Но Гитлер не сдох, и война все еще собирает свою кровавую дань. И, вот оно, самое прекрасное утро! Нет Гитлера, нет войны! Горькие слезы памяти за тех, кого нет рядом, за не дошедших до Берлина. Тяжело нам с этим жить. А мы живем, и будем жить, чтобы наши дети и внуки не видели, не знали таких слез войны.

Ближе к осени мы разъехались по домам. На память Яшка-Соломон подарил нам по одной завитушке своих черных с густой проседью кудрей. Это в двадцать-то лет?...

Потихоньку налаживалась послевоенная жизнь. Я, как охотник-промысловик, в зиму собирался в тайгу, очень ценилась пушнина. Полтора месяца обходил ближние и дальние угодья. Обветшавшие за время отсутствия охотников зимовья требовали большого ремонта, вот и приходилось, и охотиться, и поправлять избушки.

Ближе к Новому году, я собирался в дальний распадок. Три дня пути. Перед войной в этот год приметил там соболя, пришлые, наверное, у нас они редкость. В основном белка, куница, хорек, встречалась, порой, рысь. К концу третьего дня я дошел до избушки. Полчаса ходу и будем на месте. Как-то странно собаки стали себя вести, почуяли чужого. Послышался ответный лай, снег истоптан свежими собачьими следами. Прислоненные к стене лыжи припорошены снегом — видимо несколько дней стоят. И дымом свежим не тянуло из трубы. Странно это как-то. Всякое бывает. Тайга, она и жизнь дает, и забирает её.

Зажженная лучина осветила избушку, да, тут кто-то есть! Посуда на столе, но печь давно не топлена, холодно. На топчане укрытый шкурами лежал человек. Живой видать, занемог. Тайга — тут свои законы. Быстро затопил печку-каменку, осмотрел избушку, увешанную шкурами соболей, богатые трофеи — знатный охотник, столько мог добыть.

Почуяв дым и тепло от каменки, приболевший зашевелился, откинув шкуру. Я увидел молодого охотника. Закипел чайник, крутая заварка из целебных таежных трав была готова. Всякое довелось повидать, и на войне, и в тайге. Но вот такое! Оно подобно грому среди ясного неба!

Молодой охотник оказался девушкой лет восемнадцати с короткой стрижкой темных волос, непокорным горящим взглядом чуть раскосых казачьих глаз и бледным, измороженным усталостью лицом.

Я видел эти глаза! Я помню их! В той жизни, еще до войны — эта девушка-подросток старшенькая в семье и четыре ее брата мал-мала-меньше жили в соседнем селе. Ее отец, дядя Федор, тоже был охотником. Горькие слова — тоже был. Затерялись его пути-дорожки, многие не вернулись, ждут их, ждут и верят, живые, родимые не пропали на той войне, вернуться скоро.

Сама судьба привела меня в эту минуту к избушке. Через сутки жизнь уменьшилась, ожила Тайка, Таисия звали ее. Так вдвоем и одолели немцев. Выздоровливать стала. А когда Тайка совсем поправилась, стал я собираться и обратно. Тут и без меня управятся. Уходя к своим избушкам, я подарил ей свой охотничий нож. Необычный этот нож. Всю войну со мной прошил. Он дядю моему достался. Он охотник на всю округу известный, силач, каких поискать. Да затопил его медведь-шатун, так и сгинул бы в тайге. Набрел на него охотник старинный

собаки учуяли. Сутки пролежали с медведем в обнимку. Уже и душа отлетать стала. Но вернул его к жизни спаситель. Отпоил травами, излечил мазями его изломанное тело. А когда сила вернулась, проводил его со словами: «Не свидимся мы больше», и подарил ему свой охотничий нож. А нож этот особенный, в огне не горит, в воде не тонет. Изготовил его кузнец-умелец из камня, что упал с неба. Находили такие в тайге, да по берегам рек, озер.

Тонкий, гибкий, конец лезвия утолщенный втрое, имел большую убойную силу, при броске не переворачивался в воздухе и подобно стреле поражал цель. Рукоятка ножа из платин березовой коры, легкая всегда теплая в руке. Брошенный в воду нож, как поплавок не тонет. Знали свое дело умельцы. И на лезвии знак в виде трилистника из трех кедровых шишек. Кедр в тайге — дар божий, и масло, и хлеб, и лекарство. Чудотворец — кузнец ковавший. Ножи из небесных камней дарил охотникам, благословляя на удачу со словами: «В тайге он рожден — в тайге ему вековать. Даруй тому, что тебе жизнью обязан», и я не посмел нарушить его заповедь. Священна она для нас охотников-таежников..

Много лет прошло. У Яшки-Соломона шестеро детишек, две дочери и четыре сына. Нурик гордится своими джигитами, пятеро у него их.

И у нас, у меня и Таисии, старшенькая доченька-солнышко, наш первенец Аннушка и четверо сыновей, сорви-голова.

Когда я с Нуриком первый раз приехали к Яшке в Одессу, нам показалось, что он снова отмочил хохму. Собрал друзей-подростков со всего двора и гордо изрек: «И шо я имею вам сказать, вот тут все мои дети пока, мои «шептуны»». Странно, такие большие уже, что-то тут не так... И с какой любовью он со своей Аннушкой на них смотрел...

Не дал им бог ребятишек. Разыскали они детей-сирот, своих друзей, однополчан — одесситов, не вернувшихся с той проклятой войны, и обогрели их своим теплом и заботой. В уголовном розыске нашел свое призвание наш друг, познавший с детства голод и холод, унижение и «прелести» сиротской жизни. Для многих заблудших пацанов он стал «крестным отцом», вытащив их со дна преступного мира. И как там, на фронте, за каждого дрался — до последнего. В любом селе и городе есть своя легенда и своя гордость. А в Одессе — Яшка-Соломон и его «шептуны».

Наш Нурик «композитор», учитель музыки в школе. Нет ему равных в округе. На всех праздниках — желанный гость. Соперник у него появился — самый младшенький, пятый Гордей-композитор.

И мне есть чем гордиться. Два моих «следопыта» Яшка и Нурик день и ночь в Тайге пропадают. И в кого они такие?

Дороги войны грязные и тяжелые. Политые кровью с самого начала и до конца. Безымянные высоты, переправы под кинжальным огнем, разведки боем, минные поля... На семь жизней хватит горя и слез. И мы живем и за себя, и за тех, кто остался там, на высоте, на переправе, на минном поле, заслонив нас собою, оберегая мир наших детей, наших внуков. Армейская дружба — это больше чем друг, однополчанин, брат. Для нас, прошедших через ад войны, мы одно целое, неделимое на «я», «ты», «он», и в жизни, и в мыслях, и даже во сне. Ничего нет удивительного — это закономерность, долг памяти, чести, зов жизни и бесконечность вселенной.

Впервые услышавшие нас, как мы с любовью и гордостью называем детей и внуков своих «шептунами», светло и с улыбкой смотрят на нас люди. И только наша «Святая троица» знает безмерную цену этой любви и гордости — «Шептуны».

Я там, в 43-ем...

Кровавая схватка за высоту,
Черные раны на белом снегу...
Взрыв под ногами – лечу в пустоту...
Я здесь, в 43-ем, в атаку бегу.
Над той безымянной в последнем бою
Я синим туманом плыву над водой,
Зарею весенней над полем встаю
И зеленею травой молодой.
На Площади Красной в народном строю
Гордо с друзьями чеканю наш шаг.
И вместе с живыми я рядом стою,
Несу посрамленный вражеский флаг.
Раны войны не залечит и время,
В Сибири далекой растут города.
Мы вынесли тяжкое горькое бремя,
Нам этих дней не забыть никогда.
По космос с улыбкой шагнул русский парень,
По звездной дороге он чертит дугу...
Чтоб первым был в мире наш Юра Гагарин,
Я здесь, в 43-ем, в атаку бегу.
Идут чередой рассветы, закаты
И клин журавлиный по небу летит.
Как звезды нетленны, бессмертны солдаты
Ничто не забыто, никто не забыт.
Когда же закончатся войны, проклятья?
Не станем земную губить красоту.
Когда же мы скажем: не надо нам, братья,
Туда уходить – на свою высоту?
Светлеют озера под утренним небом,
Грибная пора приглашает нас в рай.
Земля моя славится миром и хлебом
И дорог до слез мне родимый наш край.
Поют по утрам голосистые птахи
И дети играют на пестром лугу,
Чтоб мамы не знали ни боли, ни страха,
Я там, в 43-ем, в атаку бегу.

Аян КЕНЖЕТАЕВА,
г. Тайынша

Защитник Отечества

Мой отец Каиржан Шарипов — участник Великой Отечественной войны. В день Победы в кругу семьи он не раз вспоминал военные годы. Для него 9 мая был особым праздником. Он не раз повторял: «Мы боролись за этот день, как могли». Когда его призвали в армию, отец проходил службу в Германии. В это время началась война. Их отряд сразу направили на фронт. Участвовал он в самых тяжелых боях. Был удостоен высоких наград — орденов Славы III и II степеней и нагрудным знаком «Отличный минер». В нашем семейном архиве сохранены его награды и письма с фронта. Расскажу один из его подвигов на войне.

Как сказано в описании его заслуг, «утром 20 августа 1944 года танк 25-го танкового полка шел на штурм обороны противника в районе действий 184 ап в 226 ОД. На броне танка находилась группа автоматчиков и разведчик-минер Шарипов, в задачу которого входило устранить препятствия на пути движения танка. Приблизившись к вражеским траншеям, минер Шарипов обнаружил, что противник выбросил ПТ мины непосредственно перед первой линией своих траншей, а отважный бесстрашный минер, идя на самопожертвование под ураганным огнем противника спрыгнул на землю, подполз к траншеям и забросал гранатами гитлеровских солдат, снял мины и пропустил танк. При схватке с противником рядовой Шарипов лично уложил 12 солдат. Героический подвиг Шарипова содействовал успеху общего дела».

Отец говорил, что выжить в том бою было не возможно. Не думал он, что доведется увидеть мирное время. На 9 мая любил петь песни военных лет «Огонек» «Кони сытые бьют копытом...», «Мы встретились со Сталинским врагом...». Вспоминал, как трудно было при форсировании рек Днепр и Одер, остались в его памяти и освободительные бои в Украине и Польше. Отец с удивлением отмечал, что поляки говорили «прошу пана», как народ Украины. Я помню все его рассказы и горжусь своим отцом — героем, защитником Отечества.

Владимир КОЗАК,
с. Краснокиевка

Поклонимся великим тем годам

Так пришла война

Прошла уже половина лета 1941-го, минул пятый год со дня образования села Краснокиевка и колхоза «Сталинский шлях». В то время люди обжились, у каждого была собственная землянка, а перед тем, в 1938 году, собран хороший урожай, что позволило колхозникам получить на трудодни значительное количество пшеницы, ячменя, овса. Уродили и огородные культуры: картофель, свекла и другие овощи. В общем, жизнь шла своим чередом.

«22 июня 1941 года был обычным трудовым днем для колхозников, ничто не предвещало надвигающую беду», — вспоминал в разговоре мой знакомый П.Марцинкевич из села Новогречановка, где я одно время работал, а Павел Петрович был председателем колхоза «Новый труд». Момент, когда люди узнали о страшном событии, остался в памяти председателя навсегда.

Доярки шли с дойки коров, телятницы — с выпойки телят, возвращались с фермы свиарки и птичницы. Отъезжали на сенокос трав колхозники, занятые работой на сенокосилках, лобогрейках, граблях, шли женщины на копнение сена, лежащего в просохших валках. Осматривали свои «полуторки» два шофера, открыли двери магазин и сельская библиотека. Хотя был воскресный день, движение в селе происходило повсюду, ведь сенокосная страда не ждала, нужно косить, пока стоит ясная и жаркая погода.

Мальчишки тихонько готовились к налету на колхозные сад и огород за вишнями и первыми огурцами. Жизнь шла в рабочем, нормальном ритме. Пожилые люди собрались по 3-4 человека и, «засмалив» самосаду, обсуждали былые времена, гражданскую войну, набеги атаманов Петлюры и батьки Махно, а также некоторые малоизвестные положения в мире, войну в Испании. Сведения о происходящем в мире имелись скудные, поэтому они звучали весьма странно и противоречиво. А газет и радио не было, лекторы из района приезжали не часто. Вдруг внимание колхозников, собравшихся у правления колхоза и сельсовета, привлекли два всадника, скачущие на лошадях галопом. Это встревожило сельчан, но не на столько, чтобы вызвать страх, просто было интересно, но то, что они услышали от спешившихся всадников, вызвало сильнейшее потрясение, потерю речи на какое-то время.

Прибывшие — комендант села и военный офицер из районного военного комиссариата объявили, что фашистская Германия, нарушив пакт о ненападении на

Станислав Репецкий

СССР, вероломно вторглась в нашу страну. Враги бомбят города и села, армады самолетов сбрасывают тысячи бомб, тысячи танков рвутся в глубь страны.

«Это война», — сказали следом подъехавшие военные. Руководству колхоза отдан приказ отозвать в села всех работающих мужчин в поле. Предстоял медосмотр и оформление документов по призыву на фронт в действующую армию. После этого сообщения запричитали женщины и девушки, заплакали дети на руках, на плечах матерей. Надо было готовиться к прощанию с отцами, мужьями, братьями, сыновьями.

Славные сыны Краснокиевки

В 1998 году я переехал жить в Краснокиевку, поэтому далее хочу озвучить имена героических защитников Отечества, ушедших на фронт из этого села в суровые годы войны.

Пройдя медкомиссию, проведенную в ускоренном режиме, признанные годными к военной службе сельчане ушли на фронт сражаться с фашистской нечистью, защищать свою Родину — Союз Советских Социалистических Республик — свою землю, свою семью.

Это Евгений Калиновский, Василий Грабцевич, Николай Лобко, Станислав Биньковский, Роман Николайчук, Евтихий Чичкан, Иосиф и Иван Ловинские, Леонид Зелинский, Бронислав Репецкий, Петр Чернышев, Демьян Костецкий, С.К. Раковский и Иван Флерковский, Деониз Дудевич, Станислав Каленский, Бронислав Колодзинский, Игнат Федоровский, Евгений Куклиновский, Станислав Тышкевич.

Войн без человеческих жертв не бывает, а Великая Отечественная война явилась в истории человечества самой страшной, жестокой, опусто-

шительной, бесчеловечной, чело́веконенавистнической. По этой причине Великая Отечественная война должна быть на протяжении веков незабываемой, никто не должен быть забыт и ничто не должно быть забыто.

«Безумству храбрых поем мы славу»... Сколько краснокиевцев в боях, проявив безграничное мужество и стойкость, не познав полную силу молодой жизни, погибли на разных фронтах — это Станислав Репецкий, Бронислав Репецкий, Иван Флерковский, Анатолий Дудевич, Станислав Потапский, Альбин Орловский, Деониз Костецкий, Станислав Куклиновский, Станислав Тышкевич, Петр Чернышов, Николай Чернышов, Бронислав Колодзинский, Станислав Роговский, Станислав Каленский, Игнат Федоровский.

Испив до дна огромную чашу военных сражений, познав гибель друзей, прошагав тысячи километров военных, изрытых снарядами и бомбами, гусеницами тяжелых танков, дорог, вернулись в село Краснокиевка уставшие порядком от войны односельчане Иосиф Ловинский, Иван Ловинский, Леонид Зелинский, Евтихий Чичкан, Роман Николайчук, Николай Лобко, Евгений Куклиновский, Василий Грабцевич, Адольф Поплавский. Война разбросала односельчан по разным фронтам сражений, где они проявили стойкость и мужество, сражаясь с врагом.

Василий Грабцевич

Бронислав Репецкий

В память о погибших односельчанах среди зеленых насаждений сооружен памятник в виде солдата, стоящего во весь рост с автоматом в руке, рядом — скорбящая мать с сыном на руках, на плите размещены памятные доски из черного мрамора с фамилиями всех фронтовиков, вернувшихся живыми, и павших на полях сражений. За памятником постоянно ухаживают педагоги и школьники.

Ковали Победу в тылу

Война резко отразилась на развитии народного хозяйства страны и, в первую очередь, повлияла на все виды промышленности — металлургию, машиностроение, станкостроение, промышленность, занятую военным производством, сельхозмашиностроение. Многих рабочих мобилизовали и отправили на фронт, среди них были специалисты высокой квалификации. В тылу требовались рабочие руки, а их следовало обучить новым, не знакомым им профессиям: литью чугуна и стали, медеплавлению, обработке металлов, работе на токарных сверлильных, шлифовальных, фрезерных, строгальных станках, электрогазосварочным работам. Требовалось время, а его как раз и не было. Тогда правительством страны принято единственно правильное решение — образовать трудовую армию и призвать в нее женщин, крепких здоровьем и мужчин, не пригодных для фронта, но способных работать на заводах, фабриках, в шахтах.

Призваны десятки тысяч женщин разных возрастов, все они обучены и направлены на производство. В будущем эти героини стали символом самоотверженного труда во имя Победы. Это был действительно небывалый трудовой подвиг. Тысячи трудармейцев наградили медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Женщины села Краснокиевка тоже трудились в трудармии. Это Е.Н. Криницкая, О.И. Тевс, Е.К. Окаевич, Э.Ф. Типисова, З.Ю. Туйкова, А.З. Поплавская. Вместе с женщинами в трудармии работали Ю.Ф. Поплавский, А.К. Федоровский. Многие трудармейцы Краснокиевки награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В колхозе «Сталинский шлях» мужчин-трактористов, ушедших на фронт, заменили женщины, они сели за руль тракторов. Всю войну проработали трактористками Лидия Бовина, Тирпфельд, Блондина (инициалы старожилы не запомнили), Анна Каленская, Антонина Тоницкая, Бронислава Высоцкая.

Очень тяжело приходилось женщинам, их силы были «на грани». Женщины трудились на тракторах с большими колесами с зубьями: «Универсал», «Универсал-2», ОТЗ, ХТЗ. Особенно тяжело работалось в зимнюю пору, в ранние осенние заморозки. Много сил требовалось, чтобы разогреть застывшее масло — автол в картерах двигателей, нигрол в коробках передач, в задних мостах тракторов. Слезы выступали на глазах при заправке тракторов керосином зимой. Топливо набиралось в ведра и через лейку заливали в баки, а керосин выливали из бочек «двухсоток», и как бы ни осторожно это делали, руки в рукавицах обливались этой жидкостью, ткань намочала и замерзала, что приносило боль и страдания. Трудно запускались и моторы тракторов с помощью рукоятки. Но трактористки самоотверженно трудились, с оптимизмом, как в песне: «Мы с чудесным конем все поля обойдем, посеем, соберем урожай и вспашем. Наша поступь тверда и врагу никогда не «гулять» по республикам нашим»...

Враг был разбит, мир освобожден от фашистских захватчиков, а эти героини

Евстий Чичкан

все годы войны пахали, сеяли, убирали хлеб, возили зерно на элеваторы — внося свой хлебный вклад в Победу.

Бригадиром трактористок была Мария Плясецкая. Она постоянно помогала трактористкам в запуске моторов, в ремонте, за это ей женщины были очень благодарны. Их помнят в селе Краснокиевка, память не пропадает бесследно, она жива, и продолжает жить в сердцах людей.

Цена Победы

Уже 75 лет, как закончилась Великая Отечественная война, как человечество избавлено от мировой страшной войны. Утро новых надежд всей нашей планеты открыл незабываемый майский день 1945 года — День Победы над фашистской Германией. И сколько бы лет и десятилетий не прошло, люди Земли снова и снова будут возвращаться к этому историческому событию, ознаменовавшему торжество жизни над смертью, разума над безумием, гуманизма над варварством.

Война унесла более 50 000 000 человеческих жизней. В их числе 20 000 000 советских людей, 6 000 000 поляков, 6 000 000 евреев из различных европейских стран, 5 000 000 китайцев, 2 000 000 индонезийцев, 1 700 000 югославов, 1 000 000 филиппинцев, 600 000 французов, 375 000 англичан, 300 000 американцев.

Общие потери Германии составили 13,6 миллиона, Японии — 2,5 миллиона человек. В Великой Отечественной войне погибло 623 429 казахстанцев.

Стоимость материальных потерь всех государств во второй мировой войне составила 4 000 000 000 000 долларов. Советский Союз потерял треть своего национального богатства. Также было разрушено и уничтожено 1710 городов, 70 000 сел и деревень, 31 850 заводов и фабрик, 65 000 км железных дорог, 16 000 паровозов, 428 000 железнодорожных вагонов.

Семь миллионов Советских воинов награждены орденами, медалями, 2532 воина являются полными кавалерами ордена Славы. 11 600 человек стали Героями Советского союза; 115 человек это звание получили дважды. Летчики Иван Кожедуб и Александр Покрышкин стали трижды Героями Советского союза, полководец Георгий Жуков — четырежды.

Огонь военного пожара, вспыхнувший фактически 1 сентября 1939 года, бушевал без малого шесть лет. Вторая мировая война втянула в свою орбиту 61 государство с населением 1,7 миллиардов человек, тогда это составляло 80% жителей нашей планеты. Военные действия велись на территории 40 стран. Под ружьем в эти годы находилось во всех странах около ста миллионов человек. Майские дни 1945 года остались в памяти этих народов на века, годы войны оставили глубокое чувство гордости и скорби. Гордости потому, что общими усилиями уничтожена гигантская фашистская машина. Скорби потому, что Победа оплачена колоссальной ценой.

В заключении хочется вспомнить эти слова из песни:

*Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны и рядовым,
Поклонимся и мертвым и живым.
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья!*

Елена КОТВИЦКАЯ,
с. Чкалово

РАССКАЗ

Семейный альбом

Зимний вечер. За окном разыгралась вьюга. В печке весело потрескивает огонь. Я беру семейный альбом, листаю пожелтевшие страницы, и история моей семьи встает перед глазами.

Вот мама совсем молодая, красивая, с сияющими глазами, а рядом с ней папа, красивый, благородный, всегда подтянутый, с седеющими висками. Почему-то острее всего этот его образ врезался в мою память: жизнерадостный, неунывающий, всегда с юмором и оптимизмом смотрящий на жизнь. Но почему-то в его глазах всегда была непонятная для нас грусть.

Мы знали, с раннего детства, что наш папа — Бальтазар Альбинович Котвицкий воевал в Великой Отечественной Войне. Рассказывал он об этом неохотно. И только 9 мая, в его любимый праздник он мог разоткровенничаться.

Когда ушел на фронт, ему едва исполнилось 18 лет, 3 месяца «учебки» и сразу в бой — командиром пулеметного расчета второго Украинского фронта. А дома остались мать и малолетняя сестра. Отца, то есть моего деда, давно уже не было в живых, он приговорен к расстрелу в 1937 году, как враг народа. Смотрю на очередное фото молодого, безусого бойца, который в жизни-то еще ничего и не видел, кроме депортации, голодного и холодного детства и сердце сжимается от боли.

Отец рассказывал, бои были тяжелые, враг отступал, однако сопротивлялся до последнего. Но один, самый ожесточенный бой остался в памяти на всю жизнь. В марте 1944 года батальон отца попал в окружение. Стояла глубокая осень. Шел проливной дождь. Бойцы лежали, прижавшись к земле, и не могли даже поднять головы, местность освещалась прожекторами и простреливалась круглосуточно. Со стороны фашистов каждый час орала в рупор: «Русский зольдат, здавайсь, злючае запративления — змерть!». Чтобы хоть как-то утолить голод и жажду, солдаты руками делали лунку в земле и сквозь зубы процеживали эту грязную жижу. И только через семь суток пришло подкрепление, начался жестокий бой. В этом бою отец получил тяжелое ранение и контузию. Возможно, он так бы и остался истекать кровью на поле боя засыпанный землей, если бы не санитары с собаками. На поверхности земли остался лишь клочок шинели, и собака, учуяв живого человека, стала его тащить.

Потом был госпиталь, несколько операций, но подвижность руки спасти не удалось — перерезаны сухожилия, поэтому она не сгибалась.

Я продолжаю листать старенький альбом, и опять вижу памятное военное фото, где изображен мой папа и солдат, уже в годах — стрелок пулеметного расчета. Это о нем говорил отец. Рядовой Подберезный относился к нему по-отечески, всячески

оберегая и усмиряя боевой пыл своего командира. Однажды в тяжелом бою, когда полк выходил из окружения, он прикрыл собой молодого командира, спасая его от неминуемой смерти, но сам погиб. Осколком снаряда ему отрезало голову. Эту кошмарную сцену отец помнил всю жизнь и часто вспоминал рядового солдата Подберезного, подарившего ему вторую жизнь.

А вот фото вернувшегося с фронта отца, все такого же безусого юнца, ведь бойцу всего-то был 21 год, только виски уже с проседью, и тяжелый взгляд все тех же небесно-голубых глаз. Я закрываю наш старый семейный альбом, а память об отце, наши разговоры с ним все не дают мне покоя. Как быстро летит время, как беспощадно оно уносит самых дорогих нам людей. Но его не остановить, не повернуть вспять. И нам остается лишь беречь память о них.

*Инга КРАСНИЦКАЯ,
с. Любимовка*

Мой дед прошёл дорогами войны

Посвящается моему деду Виктору Феликсовичу Галимскому

*Мой дед прошёл дорогами войны,
Он тяготы её все испытал.
А после этого он видел сны,
В которых воевал, друзей спасал.
Мой дед прошёл дорогами войны,
Его виски покрыла седина,
И не искал он милостей судьбы,
А просто понимал: идёт война!
Мой дед прошёл дорогами войны.
Звали его Виктор, как Победу,
И в майский день — день, полный тишины,
Я низко кланяюсь родному деду.
Мой дед прошёл дорогами войны,
И воспитал пять славных сыновей,
Потом он часто посещал их сны,
Оберегал он мир своих детей.
И дочь Мария вновь о нём вздохнёт,
И слёзы заблестят в её глазах.
Как жаль... Отца никто ей не вернёт
И время вновь застыло на часах.
Мой дед прошёл дорогами войны...
И дети, внуки, правнуки скорбят.
В минуты первозданной тишины
Их слёзы на щеках опять блещут.
Мой дед прошёл дорогами войны,
Он был достойным звания Солдат,
Он был таким, как многие сыны,
Которых не вернуть, увы, назад...
Мой дед родной, взгляни на этот свет!
На нас взгляни с небесной высоты!
Мы, вновь встречая утренний рассвет,
В день майский принесём цветы...*

Время словно застыло

Травы никли от зноя,
Дым глаза застилал,
А солдат после боя
Сна, покоя не знал...
В полный рост поднимался
За родную страну.
Чуть рассвет занимался,
Он был снова в строю.
Там, в тылу, его ждали
И супруга, и мать,
И к груди прижимали
Письма с фронта опять.
Это значило — где-то
Он воюет, живой...
Может нынешним летом
Он вернётся домой?
Всё для фронта, Победы!
Помним этот призыв,
Стали общими беды,
Души настёжь раскрыв.
Все ковали Победу:
Русский, грек и казах...
Наши прадеды, деды
Полёгли на полях...
Время словно застыло
На военных часах...
Но ведь всё это было!
Слёзы вновь на глазах...
Низко головы склоним,
Постоим в тишине...
Никогда не позволим
Повториться войне!

Беспощадная война

Пора выпускных вечеров...
Пора отпусков и покоя.
О, кто бы подумать мог,
Что в жизни случится такое?
Атака... Война... Как же так?
Ведь бед ничего не сулило.
Землю топтал уже враг
И солнце нещадно палило.
Моих одноклассников строй,
Что только окончили школу,
Людей на вокзалах рой
И нет ощущения покоя.
Моих одноклассников строй...
Как будто за миг повзрослевших,

*Мне снятся они порой,
Из них лишь один уцелевший.
Безумные крики людей,
Стенанья и горечь прощанья,
Голод... Потоки смертей,
И снова людские страданья.
О, как ненасытна война!
Мужчин уж в селе не осталось,
Горькая участь войны
Их вдовам и детям досталась.
Работали все на износ,
Не жаловались, не роптали.
С рассвета ждал нас покос,
А ночью солдатам писали.
О, как беспощадна война:
Все семьи крылами задела,
Врагу воздали сполна,
И снова жизнь закипела.
Отстроили вновь города,
В полях созревает пшеница.
Чтим ветеранов всегда
И в небе — свободные птицы!*

*Михаил ЛОБАС,
с. Ясная Поляна*

Я за мир на Земле

В Казахстане я живу почти 60 лет. В 1959 году был отправлен вместе с другими военнослужащими на уборку урожая в Красноармейский район. Здесь встретил суженную и с тех пор эта земля стала мне родной. Моя родина — Украина, Черниговская область, Черниговский район, с. Петрушин. Именно там я узнал, что такое война.

1941-ый. С началом войны мне исполнилось 4 года. Помню, наше село оккупировали немцы. Сколько они были в Петрушине, трудно сказать. Знаю только, что они обосновались в школе. Мирных жителей вроде бы не трогали, но сожгли все школьные книги. В тот момент, когда они входили в село, а это было неожиданно, был со мной такой случай.

В нашу хату вошли два молодых советских солдата. По словам мамы, они хотели разогреть сухой паек, чтобы пообедать. Но вдруг с улицы послышался шум моторов. Солдаты спохватились и прокричали:

— Немцы! Из-за нас, вас могут убить!

Они мгновенно выбежали из хаты, а через несколько секунд на улице раздалась автоматная очередь...

В комнату ввалились три немецких солдата и громко выкрикнули: «Рус? Рус?..». Один из них толкнул меня прикладом автомата так, что я упал и заплакал, а мама закричала. Правда, другой немецкий солдат отстранил от меня автомат первого, и я остался в живых! Утром мама увидела тех двух советских солдат на огороде застреленными. Их тогда быстро, кое-как похоронили. А когда прогнали фашистов домой — в Германию, то останки этих воинов перенесли в братскую могилу и с почестями похоронили.

Еще хочется поделиться мыслями по поводу одной дискуссии, которую недавно я видел в одной из социальных сетей Интернета. Дискутировали о положении советских и немецких военнопленных. Один советский немец, теперешний житель Германии жалел военнопленных гитлеровцев, которых, дескать, плохо кормили в плену. А чем было кормить-то? Разруха. Мужчины ушли воевать! Советские люди, недоедая, старались накормить нашу армию. Жили и трудились, как сказано в лозунге того времени: «Все для фронта! Все для Победы!». Я свидетель того времени и знаю; как люди голодали. И, по сути, все беды на страну и народ свалились из-за развязанной гитлеровцами войны. Поэтому считаю, что мнения некоторых современников построены далеко не на том, что мы видели собственными глазами и пережили.

Мою старшую сестру Надежду тогда, как и тысячи девушек угнали на работу в Германию, она вернулась только после войны. Мой отец погиб в битве на реке Одер. В Украине живет моя сестра Нина, которая видела, как немецкий солдат чуть не убил меня. Мы часто с Ниной разговариваем по телефону, и я с гордостью рассказываю, как дружно живут люди на моей второй родине в Казахстане. И мы вместе молим Бога о мире в милой сердцу Украине и на всей Земле!

*Станислава МОЖАНОВСКАЯ,
с. Ясная Поляна*

Память и слава героям Победы!

Эссе

(из письма сестре Марии в Казахстан, которое было написано 45 лет назад на 30-ую годовщину Великой Победы)

Сегодня 9 мая — 30-ый День Победы. С 18 по 21 дежурю в школе и пишу тебе и друзьям письма. Хочу рассказать всем вам, как в нашем латвийском городе Добеле отметили этот праздник.

Вчера 8-го, на братском кладбище состоялось перезахоронение останков погибших в 1941-1945 гг советских солдат, похороненных в братских могилах недалеко от нашего Добеле. Рассказывали: сохранился китель одного бойца и не истлели в кармане его документы. Братское кладбище видно из окна нашей школы. Было торжественно, красиво, очень трогательно и печально. Приехало много ветеранов Великой Отечественной войны, тех, кто сражался здесь в Латвии. Среди ветеранов были мужчины были и женщины. Грудь каждого — в орденах и медалях. Приехали и родственники похороненных здесь, в Добеле. Одна женщина-старушка все трогала и трогала надпись на стеле, протирала ее платочком и плакала, плакала....

Стояла у памятника молодой девушке-снайперу Саше Шляховой ее мама, совсем старушка, ее еле вели под руки. Она вся в черном, в черном костюме, в черном платке, женщина каждый год приезжала из Украины к дочери... А когда первый раз приехала к ней и ее повели на поляну за городом, где была убита Саша, ее мама положила цветы около росшего рядом дерева. Мы со школьниками тоже ежегодно посещаем эту поляну. Один из пионерских отрядов нашей школы носит имя мужественной дочери нашей Родины Саши Шляховой.

...Ветераны, видевшие смерть своих товарищей-однополчан, стояли в глубокой грусти. Иные плакали навзрыд. Было 180 гробов, это 800 (!) человек убитых. Перезахоронение длилось долго, часа два. Людей — море! После минуты молчания духовой оркестр исполнял траурные мелодии, похоронные марши. Читали стихи о погибших, о героях, о победе, об оставшихся без сыновей матерях, о вдовах, о детях, которые никогда не увидят больше своих отцов, о том, что надо помнить героев, отдавших свои жизни во имя нашей Родины.

Хор от нашего Дома культуры — женщины в униформе строгого покроя, напевал безмерно грустные песни, эти мелодии бередили душу. По окончании перезахоронения вновь под звуки траурной мелодии возлагали венки, их было очень много, около двух сотен! Венки сделаны из живых цветов: нарциссов, тюльпанов, роз, калл, тюльпанов, гиацинтов — красиво, но лучше не надо такой красоты и печалью никогда.

Возлагали цветы и школьники, и мы, учителя, и все организации города. У мемориала и памятников — почетный караул из солдат, офицеров, школьников — звучат дружные залпы... Опоздавшая на траур женщина с дочуркой слезит на постаменте корзинку с тюльпанами...

Вечером состоялось факельное шествие. Колонна на всю улицу — не видно конца.

А сегодня утром, 9 мая, была демонстрация у танка при въезде в город. Танк этот — память об освободителях Добельского района, танк один из освобождавших от немцев город. Присутствовало много людей, в том числе и ветераны.

Выступали ветераны. Боже мой, как страшно слушать участника войны. Особенно запомнилось мне выступавшая женщина-украинка — вся грудь в орденах и медалях, которых не сосчитать. О войне она рассказала в своих стихах: одно она сочинила в начале войны, второе — на днях в Добеле. В первом стихотворении говорится, что она медсестра, и как бы ни рвались снаряды и бомбы, она будет спасать раненных, будет спасать Родину и ни за что не отдаст ее врагу. Второе стихотворение — о любимой Прибалтике, о встрече с ней во второй раз — новой, отстроившейся после войны, и о радости встречи с фронтовыми друзьями. Затем еще продолжились выступления и возложение венков и цветов у памятника «Танк», здесь все фотографировались, мы тоже.

На площади в сквере — выставка букетов, посвященная 30-летию Победы. Вот названия некоторых работ: «Победа над фашизмом», «Вечная слава Героям!», «Сажайте розы в проклятую землю!», «Партизанский костер», «Они сражались за Родину», «Встреча старых ветеранов», «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем»... Эти букеты невозможно описать словами, это надо увидеть. Они состоят не только из цветов. Розы, гвоздики, тюльпаны — вместе с сухими ветвями, колючей проволокой, обугленными кусками дерева...

Аксакал

(По рассказу брата)

Уставший после экзаменов я ехал домой в Ясную Поляну, тогда еще Чкаловского района (это было примерно в 1968 году). Преподаватель Кокчетавского института, в котором я учился, попросила меня отвезти попутно в село Большой Изюм своего родственника-аксакала. Помнится, у них кто-то из родных умер, и аксакал ехал на похороны... или за хорошим бараном, для траурного обеда. Ехать далеко, баранку руля приходилось держать крепко, была гололедица, что у нас в Северном Казахстане случается часто.

Спутник мой был важный гражданин — грудь в орденах и медалях, и кажется, он был нездоров, а может просто не хотел мешать мне вести машину.

Проезжая мимо казахского кладбища, я нарушил молчание:

— Моего троюродного брата, он, как и вы, тоже был участником войны, похоронили в могиле-зирате по казахскому обычаю с подкопом — нишей. Так он завещал.

— Да-а-а, — вздохнул аксакал. Я тоже воевал в 1945 году с японцами.

Я остановил машину. Аксакал рассказал.

— Один раз был у них в тылу. Нужно было корректировать огонь наших батарей. Выбирая для задания человека, командир громко, а кругом грохот, приказал мне: «Пойдешь ты! Ты похож на них».

Кто-то возразил: «Но ведь он высокого роста, а вы говорили, что японцы низкорослые!»

— Есть и высокие! — старался перекричать грохот командир.

— Да, но ведь я ни слова не знаю по-ихнему, — сомневаясь в выборе командира, прокричал и я.

— А ты рот не открывай! — еще громче напутствовал меня командир.

В свою очередь, я рассказал аксакалу о том, как мой троюродный брат Иосиф Адольфович Бачинский «оккупировал» Польшу. А было это в тот период Великой Отечественной войны, когда гнали гитлеровцев из Польши.

У въезда в село забуксовала машина моего брата. Он и его напарник забежали в первый дом, и напарник попросил у хозяйки чурку.

— Ой, моя чурка еще мала, — взмолилась женщина, прижимая к себе маленькую девочку («чурка» — польское «дочь»).

Иосиф сам поляк, попросил у женщины по-польски: «Нам потжебуесе (требуется, нужно) джево (дерево) подложиць под коло (подложить под колесо)».

— А-а-а! То ест, то ест, — обрадовалась женщина и побежала за чуркой.

Мы продолжили путь. Аксакал задумался. И я с гордостью подумал: «Кого везу!», и всю дальнейшую дорогу, стараясь крепко держать баранку, восторженно, с большим интересом посматривал на этого, ставшего мне очень близким, важного пассажира.

Очень хочется, чтобы кто-то из родных, близких, знавших этого аксакала — ветерана войны, откликнулся на мой рассказ. Кто он? Фамилия его? Ведь нужно чтобы все узнали имя этого героя.

Солнце Победы

«Этот день мы приближали, как могли» ...9 мая 2017 года мне выпала честь выступить на митинге, посвященном 72-ой годовщине Победы над фашисткой Германией в Великой Отечественной войне. И я рассказала своим землякам-яснополянам:

— Хочу поделиться с вами тем, какой вклад внесли в дело нашей победы над немецкими захватчиками труженики тыла нашего села. Мой год рождения 1939-ый. Тогда уже Гитлер уже завоевывал Европу.

Лето. Жарко. Сорок первый —

Глыбой черной валит враг,

Но стальные были нервы —

В бой пошли отец, сын, брат.

Так пишет наш Чкаловский поэт Леонид Юрковский. О войне 1941-1945 г. я знаю со слов моих родителей, старшей сестры Марии, конечно же, и по рассказам ветеранов войны, по книгам, кино. Благодаря последнему слышала голос знаменитого диктора радио Левитана, который объявил о нападении Германии на нашу Родину. Левитан сообщал о положении на фронтах. Левитан же объявил о победе над врагом в 1945 году. Его слышали все граждане огромной Советской страны.

...Великая Отечественная война и яснополяны. Из нашего села на фронт ушло 81 человек. Не вернулись, погибли 23 человека. Нашего отца Франца Мартыновича Можановского, 1902 года рождения, рабочего-слесаря на фронт не взяли. На него была наложена броня, так как слесари нужны были в тылу. Он и его помощники-ученики слесарного дела изготавливали какие-то засекреченные детали, которые отправлялись в Петропавловск на военный завод имени С.М. Кирова, переброшенный уже в первые дни войны с запада России. Рабочие только догадывались, что эти детали идут на вооружение. После войны стало известно, что завод им. Кирова обеспечивал фронт радиоприемниками РП «Пилот» ВПС-39, «Виразж», пользующийся большим спросом и популярностью в наших войсках.

Кроме того, завод выпускал и радиопеленгатор «Штопор», предназначенный для обнаружения средств связи противника. На заводе изготавливали также и запчасти для автоматического оружия. Зная об этих засекреченных деталях, которые создавались рабочими нашей МТС, яснополянские мальчишки-подростки загадывали: вдруг какая-то, пусть хоть одна деталька, изготовленная в нашей Ясной Поляне вместе с экипировкой наших войск дойдет до Берлина и пусть благодаря ей будет убит последний фашист!

Я горжусь яснополянскими рабочими, в том числе и своим отцом, что они делали посильный вклад в дело победы.

...Приказы военного времени, судя по записям в сохранившихся документах, дневниках-журналах веного времени, прочитанных моим братом Иосифом, проработавшим всю свою трудовую жизнь в той же, что и наш отец, МТС, были

лаконично-строгие. «Груз» в количестве... необходимо доставить по адресу, к ... часу. Если задание не будет выполнено в срок, считать саботажем».

Помощь Советской Армии яснополянцев проявлялась не только через рабочих МТС.

Женщины! Женщины взяли на себя непосильный труд вместо ушедших на фронт мужчин. И старики.

Поле, как в цветах — в платочках,

Женщины и урожай,

Тяжкий труд и днем и ночью,

День Победы приближал.

(Л. Юрковский)

Женщины-яснополянки растили хлеб для фронта. Женщины растили кок-сагыз, из корней которого выжимали сок. А из этого сока делали идеальную эластичную резину, которая использовалась в авиации. Об этом мне рассказывали моя тетя М.Р. Заинчковская, которая в числе других яснополянок собирала урожай этого каучуконосного растения — выкапывала корни кок-сагыза. Помнится, я тоже после войны, подростком собирала кок-сагыз, но только его надземную часть, тоже для резины, из нее производили резиновую обувь.

Каждый дом давал на фронт сливочное масло, яйца, свиную кожу на кирзовые сапоги для солдат... Всю войну водили трактор наши молоденькие девушки Евгения Антоновна Ковнацкая, Цимер Анюта и другие. В тракторном цехе готовила детали к тракторам ныне здравствующая Рафалина Антоновна Залевская, 1930 года рождения.

Дети 11-13 лет помогали матерям на животноводческой ферме, ухаживали за сельскими немощными стариками и маленькими детьми, мыли полы у соседей, пока женщины работали на ферме или в поле. Осенью мальчики и девочки собирали в поле колоски.

А сколько наших яснополянских немцев работало в трудовых лагерях!

Все-все яснополянцы старшего поколения — труженики тыла, они работали не покладая рук — всю войну! Работали, не жалея сил во имя победы. Работали приближая победу и дождались ее! Есть еще в Ясной Поляне люди, которые слышали 9 мая 1945 года это громкое слово «Победа!». К ним относится и моя сестра Мария, 1934 года рождения. Ей бы выступить, рассказать все вместо меня, но не позволяет здоровье.

Когда окончилась война. Марии шел 12 год. Она рассказала мне про памятный первый день Победы над фашизмом. И было это 9 мая 1945 года. Маня сидела на завалинке дома с учебником - учила урок. В тот день, раньше обычного, пришел с работы наш отец. Открывая калитку и не войдя еще во двор, он радостно прокричал:

— Все! Гитлера разбили! Победа! От радости заплакала вышедшая из дома мама.

Папа сиял! Яркое солнце освещало и без того сияющее папино лицо. Казалось, солнце радуется вместе с папой. Это было долгожданное солнце победы — рассказывала мне Маня, вспоминая тот самый первый День Победы.

Когда я выходила из дома на митинг, Маня вдогонку мне добавила:

— Скажи, тогда 9 мая 1945 года рабочим подарили подарки и папа принес мне ботики.

Подводя итог своего выступления, я напомнила односельчанам, что наше село Ясная Поляна обосновалось в 1936 году, репрессированными из Украины поляками и немцами, а через 5 лет пришла война. Поэтому наши первые яснополянцы — дважды патриоты! Я призвала односельчан: «Помните о них! Не забывайте историю Великой Отечественной войны, всех воевавших земляков на фронте и не вернувшихся с войны 23 воинов-яснополянцев! Читите ветеранов тыла!

Берегите нашу Родину! Смотрите на мир глобально — берегите мир на всей земле!

С днем победы, дорогие друзья! Пусть всегда светит солнце Победы!»

Море состоит из капель

13 марта 1951 года Верховный Совет СССР принял Закон о защите мира.

«Закон считает пропаганду войны страшным преступлением», — сказано в этом документе.

Помню, в мои 12 лет посыльный из сельсовета собирал подписи под этим Законом.

Старшие члены семьи подписались и этот мужчина предложил поставить подпись «за мир» и мне. Я удивлённо спросила: «А мне можно?»

— Конечно, можно!, — услышала я в ответ, и с радостью поставила свою подпись, предварительно осведомившись, как подписываться: полной фамилией или как взрослые, с «закорючками».

... Мама ушла проводить гостя, я тоже последовала за ними.

Я долго смотрела вслед этому человеку, пока он не скрылся во дворе соседнего дома.

Потом я ещё долго стояла у калитки. Что испытывала тогда я, подросток? Сложные мысли обуревали меня тогда. Думала о недавней войне... Гордилась своей подписью под Законом о мире. Все 15 республик подписались, как и я! И я в том числе!

А на другой день в школе, когда я с гордостью похвасталась своей подписью под Законом о мире, Герта, моя одноклассница, отрезала мне:

— Чего это ты задаешься? Я тоже подписалась!

— И я! И я! — подхватили почти хором и другие мои одноклассники. Конечно, в борьбе за мир мы, пятиклассники, были каплей в море. Но море состоит из капель!

Почтил память старшего брата

Встретились мы с этим человеком в 1990 году в латвийском г. Добеле, когда я ещё жила там. Было 9 мая — День Великой Победы над фашизмом. Люда пришла на Добельское братское кладбище почтить память павших. Пришла с цветами и венками, хотя в этом году уже никто не приглашал на митинг: Латвия, а вернее, ее правительство, стало считать Советскую Армию оккупационной. И только благодаря военному города митинг состоялся, и с солдатским караулом, и с салютом, и с парадом военных.

Некоторые приехали издалека, как и приезжали ежегодно на могилы своих родных, погибших на латвийской земле. А один человек прибыл сюда впервые. Это был наш земляк-казахстанец, Кайыртас Кусаинович Нургалиев, житель аула Жылбулак Щербактинского района Павлодарской области.

Кайыртас приехал на могилу погибшего в годы войны старшего брата, которого он никогда не видел, ведь он родился после войны. Мать младшего лейтенанта Нургалиева так и не узнала, где похоронен ее сын. Она умерла, оставив младшему завещание — найти место захоронения старшего сына.

Юные следопыты Добельской средней школы №2 нашли могилу брата Т.К. Нургалиева. Военком сообщил семье Нургалиевых эту радостно-печальную весть, и, чтя память о старшем брате и выполняя последнюю волю своей матери, Кайыртас приехал на День Победы в Добельский район Латвии. Он привез мешочек казахстанской земли с могилы матери на могилу ее сына. Потом взял мешочек земли с могилы брата для того, чтобы высыпать ее на материнскую могилу.

Обо всем этом рассказал Кайыртас, выступая на траурном митинге. Он с трудом от волнения рассказал о себе, что, мол, из Павлодарской области Казахстана, учитель физики; поблагодарил людей за уход за могилой брата и пригласил участников митинга к себе в гостеприимный Казахстан.

Слушая выступление Кайыртаса, я плакала, тронутая печальной судьбой семьи Нургалиевых и необычайной встречей с земляком вдали от родины.

Когда Кайыртас закончил говорить, я поднесла ему букетик незабудок и

поцеловала его. Он смутился. Пришлось объясниться, представившись: «Ваша землячка из Кокчетавской области». Он мне радостно улыбнулся. После митинга я пригласила Кайыртаса к себе в гости. Он был у меня недолго: спешил на электричку в Ригу. Но за это время он произнес очень важное для меня: назвал меня своей старшей сестрой... В 1991 г. из-за не устраивающей меня политической обстановки в Латвии я переехала в Казахстан. А недавно благодаря Интернету я нашла брата Кайыртаса: он проживает в Павлодаре. Надеюсь пообщаться с ним через Интернет.

Тетя Ганя о Дне Победы

Было 9 мая 1946 г. — первый послевоенный День Победы. Тетя Ганя проснулась, как всегда, очень рано. Доить корову ещё рано, и она вышла на улицу «поглазеть» на село. И, что это? У соседней напротив развеивается красный флаг?!

Чтобы убедиться в том, что это флаг, она, оглянувшись, по сторонам, «не видит ли кто меня», слегка согнувшись, перешла дорогу и подошла к чужому забору. Точно, он! Флаг! Вернувшись домой, тетя Ганя нашла среди платяев старую красную блузку, которую привезла из Украины, и которую очень берегла, отпоролла спинку блузки, прибила ее маленькими гвоздями к рейке и привязала флаг к заборному столбику около калитки у входа во двор дома с парадной стороны.

Было ветрено — флаг развевался! Тетя Ганя с гордостью подумала: «Вот и я праздную День Победы!».

...Раньше яснополянцы очень много картошки сажали за селом. По 15-20 соток. А где брать время на такой большой огород? Мои родители использовали для этого праздничные дни, в том числе и 9 Мая. Тетя Ганя (Ганна Езерская), мамина подруга ещё по Украине, узнав об этом, запретила нашим работать 9 Мая, упрекнув:

— Такой день, Гитлера разбили, а вы будете сажать картошку?! Грех вам будет!

У тети Гани на войне погиб брат...

С тех пор мои родители в День Победы картошку больше не сажали, а только праздновали День Победы.

Будь проклята война!

...Помню из твоего письма мне на Дальний Восток, как однажды ты провела своего трехлетнего Павлика в кино. Это было в 1971 году. Фильм был о войне. Когда мы возвращались домой после кино, с каким азартом Павлик, захлебываясь, рассказывал по-своему об увиденном! И «стрелял», «стрелял», «стрелял»!...

«Стрелял», наверное, «сидя» в танке! После этого, ты писала, он «стрелял» под впечатлением ещё несколько дней! Это — следы войны.

Недавно на одном из сайтов по Интернету я узнала о материалах музея Краснодона, в которых рассказывалось о том, как вытаскивали родители из шурфа шахты замученных, изуродованных немцами своих детей-молодогвардейцев, как одна из матерей узнала своего сына только благодаря заплатке на брюках... Помню, как я однажды пришла из кино (это было в 1953 году, кажется, я тогда училась в 6-ом классе), а фильм был о молодогвардейцах, легла на кровать и плачу.

В дом вошёл сосед Эмиль:

— Чего плачешь?

— По молодогвардейцам. Я была в кино.

— Так это же кино! — пытался успокоить меня Эмиль.

— Ну и что, что кино! Ведь в войну так и было! — продолжала я плакать

А как погиб в Украине наш двоюродный братик Эдик, помнишь? Только не знаю, сразу после войны или при отступлении наших?... После войны, значит?

Когда мы с Ниной Блох ездили в Украину, к нашим, к ей рассказывала, как Эдик и ещё два маленьких мальчика пошли в лесок (дом тети Мани стоит у самого лесочка, помнишь?) нашли мину (или неразорвавшийся снаряд?), начали по ней стучать. Мина взорвалась. Эдику оторвало ноги....

Отец одного из не пострадавших мальчишек прибежал к тете Мане:

— Иди! Иди скорей в лесок! Там плохо твоему сыну!..

Она побежала. Эдик умирал... Но, ещё попросил воды...

Позарядясь к сыну с водой, тетя Маня уже не застала Эдика в живых... Будь проклята эта война!

Недавно я прочла в газете «Неделя СК» заметку «Я убит в безымянном болоте», в которой говорится, что поисковики из Ленинградской области ищут родственников бойцов нашей Казахстанской 314-ой стрелковой дивизии, сражавшейся под Ленинградом. На перезахоронение останков солдат в октябре 2019 года в Ленинградскую область приезжали из Петропавловска две внучки бойца Артемьева, 1908 года рождения, из села Исаковка бывшего Соколовского района, ныне Кызылжарского. Внучки разговаривали со своим дедушкой, плакали, положили цветы в болото...

Не плачь... хотя... как удержать слезы? Будь трижды проклята война!

*Пётр ПОДНЕБЕСНЫЙ,
с. Келлеровка*

Невозможно забыть

75 лет прошло с тех пор, как закончилась война, а мне — свидетелю тех ужасных военных дней, кажется, что все происходило недавно. Это не возможно забыть. Однажды я уже делился своими воспоминаниями на страницах районной газеты «Тайыншинские вести», материал назывался «Детство под пулями». И вновь хочу кое-что рассказать читателям, ведь мне многое довелось самому увидеть и пережить.

Родился я в 1935 году, в Украине, селе Ново-Семеновка Барвенковского района Харьковской области. Когда фашисты напали на СССР наша семья жила в этом населенном пункте. Я пережил войну: бомбежки и артиллерийские обстрелы, газовое отравление и пулеметные очереди. Я видел убитых людей — наших воинов и мирных жителей. Мне довелось идти вместе с угнанным населением, которым прикрывались отступающие гитлеровцы от обстрела наших войск. Я видел сгоревшие села, а их в нашей Харьковской области фашисты сожгли 220.

Помню страшный момент в мае 1942 года, когда немцы бомбили наше село. Тогда погибло более 30 односельчан, а среди них моя старшая сестра Катя. Я тоже прятался там, где находилась сестра, но в страхе убежал в другое место и так остался жив.

Особенно вспоминается мне случившееся в августе 1943 года. 23-го числа наши войска освободили г. Харьков, и немцы поспешно отступали на запад, а по пути отступления выгоняли людей из сел, забирали с собой, а их дома поджигали. На этом пути оказалось и наше село. Бесчисленная людская колонна, в которой шли и мы, в основном женщины, старики и дети, двигалась по дороге, а по бокам нашей процессии ехали немецкие танки и шли автоматчики. В небе кружили советские самолеты, но они не могли обстреливать мирное население, чем и пользовались

вражеские войска для своего передвижения.

Колонну остановили в одной большой балке, где стояли немецкие гаубицы. Помню, как фашисты забрали у всех матерей их детей и посадили вокруг гаубиц в радиусе 20-30 метров. Мы все сидели у этих орудий, а наших матерей к нам и близко не подпускали. Вдоль линии горизонта, где кончалась балка, было видно, как через определенный интервал двигались танки, автомашины, пехота. Это были наши войска. Весь день по ним стреляли немцы из гаубиц, а мы сидели под огнем этих орудий и плакали потому, что от выстрелов гаубиц чувствовалась невыносимая боль в ушах, у некоторых детей текла из ушей кровь, видимо лопнули барабанные перепонки. Над нами летали советские самолеты, но они не могли бомбить из-за нас, детей. Вот так фашисты спасали свои «шкуры». Через день или два нас освободили наши войска, и мы вернулись в свои села, вернее на пепелище — ни одного дома не осталось в Ново-Семеновке, фашисты все сожгли дотла. Мама как-то соорудила шалаш, насобираала обгоревших тряпок. Так и перезимовали. Мама спала посередине, а мы по бокам, укрываясь тряпками, прижимаясь к ней, так и обогревали друг друга.

После того больше немцы не возвращались в наше село. В колхозе людей осталось мало, и детям приходилось выполнять работу взрослых. Мы ломали кукурузные початки, срезали головки подсолнухов, грузили в бричку и возили на ток. Когда урожай был свезен на ток, тогда мы начинали очистку початков от листьев «швайками», вычищали семена кукурузы из початков, выбивали палкой семечки из подсолнухов. Работал я и погонщиком быков. Эти животные были старые, послушные, хорошо знали все команды: «гэй» означало пошли, «цоб» — влево, «цобэ» — вправо, «прррр» — стой. Вот такая нехитрая технология работы. В 1944 году наши военные строители построили нам домики 15 кв.м. В 1996 году я ездил на родину и сфотографировал этот домик. Он единственный такой остался в селе, как музей, как напоминание о тех страшных бедах, которые пережили мы, люди старшего поколения. Хочется сегодня сказать молодежи: «Помните своих родных, земляков, всех тех, кто отдал жизни за ваше мирное будущее. Будьте хозяевами своей земли, защищайте ее, живите без вражды, ведите здоровый образ жизни, и дай Бог, чтобы вам не пришлось испытать то, что выпало на мою долю из-за этой войны».

*Клара САГИНДЫКОВА,
с. Зеренда*

Спасибо деду за Победу!

75 лет отделяют нас — нынешнее поколение от того дня, когда весь советский народ узнал о долгожданной Победе над фашистской Германией. Долгих четыре года на фронтах и в тылу вся страна, несмотря на огромные потери, упорно шла через все тяготы, чтобы флаг освободителя взвился над Рейхстагом.

Наверное, с первой же минуты, как только голос Левитана объявил о нападении немецких войск на Советский Союз, не было ни одного равнодушного человека к судьбе своей Родины. Все, от мала до велика, горячо болели за судьбу своей Отчизны. Среди многих советских людей был и наш дедушка Куламерген Зайтонович Баймурзин, 1925 года рождения, уроженец с. Оркен.

Когда дедушка узнал о начале войны, ему было всего 15 лет. Но, несмотря на свой юный возраст, Куламерген Зайтонович вместе со своими друзьями каждый день оббивал порог военкомата с просьбой добровольцем уйти на фронт. И только спустя полгода, в декабре 41-го, скрыв свой действительный возраст, Баймурзин добился отправки в действующую армию.

Целый год он проходил обучение в Ашхабадской снайперско-разведывательной школе № 18. После ее окончания был направлен в 1201 стрелковый полк 354 гвардейской дивизии 1 Белорусского фронта в качестве полкового снайпера-разведчика. Вспоминая, он всегда говорил: «Да, война — это не романтика, как представляли себе мы — безусые мальчишки. Война — это руины деревень, расстрелянные и повешенные старики и дети. Война — это бесконечная боль и смерть. Но мы выстояли и победили, потому что очень любили свою Родину, своих родителей, своих земляков — все то, что связывало нас с родным краем, с мирной жизнью. Эта Победа досталась нам благодаря единству и сплоченности всего советского народа».

Фронтной снайпер-разведчик Куламерген за годы войны совершил не одну вылазку в тыл врага и за свой героизм он был отмечен Орденом Красной Звезды и медалями. Ему также было вручено именное оружие. Но не все боевые задания разведчиков заканчивались благополучно. Так, в 1943 году, выполнив поставленную задачу, он возвращался в отряд, но меткий снайпер врага ранил его в левую часть груди, чуть-чуть не достав до главного жизненного органа — сердца. А спасло его или чудо, или комсомольский билет, лежавший в кармане гимнастерки и принявший на себя основной удар. Это было самое тяжелое из восьми его боевых ранений.

Этот комсомольский билет, залитый кровью, Куламерген Зайтонович передал в музей Кантемировской школы Северо-Казахстанской области.

По своему характеру он был очень жестким человеком, не любил рассказывать о своем боевом пути. И вот спустя столько лет, мы — его потомки стали понимать, что практически ничего не знаем об этом героическом отрезке его жизни.

Да, многое он пережил, много потерял друзей. Зимой 1941 года вместе с ним ушло на фронт 60 молодых парней, а вернулось только одиннадцать.

Война для нашего деда закончилась 28 июля 1944 года, так как его комиссовали вследствие тяжелого ранения. Но, неумная натура деда — боевого капитана не давала ему покоя, и он, вернувшись домой, пошел работать в органы внутренних дел. Всю свою трудовую деятельность Куламерген Баймурзин служил участковым инспектором милиции. И многие старожилы, которых осталось единицы, до сих пор с уважением и благодарностью вспоминают его честность и преданность своему делу. Наверное, все это послужило тому, что он был признан почетным работником МВД СССР.

И сегодня, мы — потомки Куламергена Баймурзина говорим «Спасибо деду за Победу! Спасибо за мир! Спасибо за то, что мы живем в процветающей стране!».

*Станислава СИДЛЕЦКАЯ,
с. Чкалово*

Зажгите поминальную свечу

**Зажгите поминальную свечу,
Свечу зажгите.
Не надо пафосных речей,
А просто помолчите.
Пока мерцает огонек,
Вы головы склоните,
Покая павшим на войне
У Бога попросите.
По ним уже звонят колокола,
Роняют слезы купола седые,
Была война, война была,
Погибли парни молодые.
Они могли бы
Строить города,
Растить детей
И дерево сажать у дома...
В сырой земле
Остались навсегда,
А могло бы быть
Все по-другому.
Зажгите поминальную свечу,
Свечу зажгите,
Погибших
В страшной той войне
Вы добрым словом
Помяните.**

*Владимир ШВЕЦ,
г. Тайынша*

Память сильнее времени

Мироновка в годы войны

Я родом из Мироновки. В своей памяти храню воспоминания о том, как проходила жизнь моих односельчан и моей семьи в годы Великой Отечественной войны, хочу рассказать об этом читателям.

Старшего брата Василия призвали на службу в ряды Красной Армии в 1940 году, он проходил военную подготовку в полковой школе города Минска. В конце мая 1941 года от брата пришло последнее письмо, в котором он предупреждал, что их отправляют на летние учебные занятия, поэтому в скором времени писем не стоит ожидать...

Начало войны весь народ СССР и в том числе члены нашей семьи встретили, как начало большой беды и трагедии. Когда пришло время мобилизации в действующую армию и в трудовую армию, сразу же был призван мой отец в возрасте 46 лет. Старшая сестра Галина, едва достигшая 18-летнего возраста, после окончания курсов проводников пассажирских поездов была назначена старшим кондуктором военно-медицинского поезда «Стрела», вывозившего раненных из прифронтовых территорий в военные госпитали Средней Азии и Сибири. Брат Андрей в возрасте 17 лет был мобилизован на работу в шахты Караганды. Сестра Варя в возрасте 14 лет и Надежда в 12 лет стали работать в колхозе, я же, предоставленный сам себе, зимой сидел в хате у печи, а в летние дни проводил время с соседскими ребятишками. Такой стала жизнь в военную пору у взрослых и детей нашего села. Все мужчины ушли на фронт, в редких семьях оставались старики в возрасте 60-70 лет и тех привлекали к работе в колхозе.

На нужды Советской Армии из колхоза изъяли лучших лошадей, автомобили, трактора; увеличили план хлебосдачи, мяса, яиц, шерсти, шкур.

Помню, сотрудники райвоенкомата провели инвентаризацию лошадей, затем дали предписание, чтобы их особо охраняли и содержали перед отправкой на фронт. В тот первый военный год колхоз имел большое количество КРС, более 1000 дойных коров, много рабочих быков, лошадей, около 6000 гектаров посевной площади, луговые поля для покоса и заготовки сена на зимнее содержание скота и выпаса в летний период. У речки Чаглинка располагался овощной огород, где рабочую бригаду возглавляла Мария Исаенко. Мать и сестры постоянно находились на колхозной работе — до 15 часов в сутки, беспрекословно выполняли все, что поручали.

В селе имелся один телефон, установленный в конторе колхоза и радиоточки от районного узла радио, по которому регулярно передавались сводки Совинформбюро, а затем нештатные агитаторы передавали сведения о положении на фронтах населению села. На видных местах висели плакаты: «Все для фронта — все

Владимир Савва

для Победы». Сестра Варя числилась комсоргом и тоже вела разъяснительную работу среди молодежи села. В свободные зимние вечера девочки собирались в нашем доме, писали письма на фронт, шили, вязали теплые вещи и потом отправляли на фронт бойцам-односельчанам. Кроме того, рядовое население из своего заработка отчисляло денежные средства на нужды армии. Помню тот факт, что мироновец старик Трофимец тогда перевел большую сумму денег и на эти средства был построен танк. Глава СССР И.В. Сталин лично письменно поблагодарил Трофимца, сын которого героически сражался на фронтах войны.

Варвара Швец

В первые месяцы войны стали поступать похоронки и наша семья получила это печальное известие о моем брате Василии, который погиб в Смоленске, где в тот момент было главное направление удара фашистских войск, стремившихся к Москве. Смоленское сопротивление дало советскому командованию время подготовить оборону города Москвы.

Похоронки с фронтов стали часто поступать женщинам, матерям Мироновки. Женщины горько оплакивали своих мужчин, сыновей, братьев и, несмотря на горе, еще ударнее продолжали работать, давая фронту все необходимое. Вскоре в село стали прибывать эвакуированные и репрессированные из Белоруссии, Украины, Поволжья, Ленинграда, Сахалина. Прибывших без спроса поселяли в любую семью. В нашу землянку подселили семью Лукьяны Шиц в составе пять человек. Так, на 15 м² стали

проживать девять человек. Со временем эту семью отселили, а поселили семью Готфрид из трех человек, позже поселили кавказцев. Ленинградскую семью Бодиных поселили в пустующий дом, семью Саламатиных из Сахалина — к одинокому старику Погорелову. Нелегко было прокормиться и жить в тесноте увеличившимся семьям.

С наступлением лета все прибывшие семьи начали строить землянки из пластов дерна. Прибывшие мужчины стали помощниками нашим матерям и сестрам. Так Рафаил Монзольевский и его сын Петр работали механизаторами. Отлично трудились братья Готфрид Андрей и Иван, братья Словецкие Станислав и Иван и их сестра Вихта. На совесть работали местные женщины и девушки: Паранья Польшиванная, Евдокия Козаренко, Матрена Козаченко, Акулина, Варвара и Надежда Швец, Варвара Бахура, Полина Тесля и Варвара Анашевская и многие другие, все они по окончании войны удостоены медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

Односельчанка Мария Мунтян в 14 лет, пройдя краткосрочные курсы комбайнера, под непосредственным руководством Р. Мовзольевского осенью 1942 года провела свою первую уборку урожая и долгие годы работала в этой должности. Героический труд мироновцев стал вкладом в общее дело помощи фронту.

В село поступали и добрые вести о героических подвигах наших земляков. Так, В. Савва, за проявленное мужество и героизм, удостоен звания Героя Советского Союза. Героически воевали А. Бугера, А. Ковальчук, А. Шахрай, Трофимец, Ф. Любченко, Петр и Василий Самойленко, И. Канило и многие другие.

Мария Тесля (дев. Мунтян)

Со временем ход войны переменялся в сторону Красной Армии: поражение фашистов при обороне Москвы, где проявили стойкость и отвагу 28 казахстанских гвардейцев-панфиловцев, победа под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда, решающая Курская битва — все это сломило дух вражеской армии. И вскоре наши войска, освобождая от фашистской нечести города и села, дошли до исконной государственной границы СССР. Война продолжалась на территории европейских государств и победно завершилась разгромом гитлеровцев и штурмом Берлина.

Об окончании войны и радостной вести о Победе моя сестра Варя узнала одной из первых, она верхом на лошади поскакала в поле, где работали сельчане, заканчивая посевные работы.

Когда работающие в поле колхозники узнали об окончании войны, о победном дне, их ликование не было предела. Это просто было непередаваемое зрелище. Все бросили работу, одни бежали, другие мчались, погоняя лошадей и быков, лица светились радостью, текли слезы. Весь людской поток устремился к колхозной конторе, где на крыльце уже установили стол, покрытый красным материалом. Представитель райкома сообщил о победоносном завершении войны, о том, что пришла победа. Сельчане плакали и смеялись, целовались, обнимались и танцевали.

Закончилась война, жизнь продолжалась, и она нисколько не стала лучше. Одни ждали возвращения мужей, сыновей, дочерей... Другие, получавшие похоронки, продолжали верить в чудо возвращения дорогих людей.

Для восстановления разрушенного войной народного хозяйства страны требовалась помощь, а потому из колхозных табунов вновь забирали и отправляли коров, быков, лошадей, овец, свиней, сельхозинвентарь и технику, хотя сельчанам самим приходилось туго. В высших кругах считали, что необходимо ликвидировать разрыв в кратчайшие сроки, поэтому на правительственном уровне принято решение о добровольном займе у населения страны. Население Мироновки с пониманием отнеслось к решению правительства и по возможности подписалось на добровольный займ, который способствовал восстановлению ущерба, нанесенного войной.

Сплоченность советского народа проявлялась в труде, отдыхе, учебе. В первые послевоенные годы в Мироновской начальной школе обучалось 3 класса школьников младшего звена. Не хватало учебных кабинетов, бывало, в одной классной аудитории занималось два класса одновременно. Тогда бывший директор школы Мария Степановна Шамрай отдала свой дом под учебные классы, а сама с дочерью Тоней перешла на квартиру к Евадокии Козаренко.

Возвратившийся фронтовик Петр Васильевич Самойленко вскоре был назначен заведующим клубом Мироновки. С его приходом оживилась культурная жизнь в селе, стали работать кружки художественной самодеятельности и вскоре местные артисты дали концерт своим односельчанам. Концерт прошел на ура! Ослепленные успехом, мироновские артисты стали выезжать в соседние села, где успешно проходили концерты. Добрая слава об этом дошла и до руководителей отдела культуры. Благодаря этому состоялся концерт мироновцев на сцене районного дома культуры им. В. Куйбышева в Красноармейске, который стал судьбоносным для Петра Васильевича. Его назначили директором РДК, в этой должности он проработал более 25 лет.

В то время для жителей Мироновки первый приезд передвижной киноустановки стал праздником! Киномеханик-фронтовик продемонстрировал военный фильм «Радуга».

Для мироновцев итоги войны были крайне печальны. Из ушедших на фронт

Галина Медведева
(дев. Швец)

Илья Канило (слева)

более 150 человек вернулись живыми более 50 человек, которые почти сразу приступили к работе в колхозе.

Филипп Любченко возглавил тракторно-полеводческую бригаду, его братья Варфоломей и Трофим стали водить колхозные грузовики. Илья Канило последовал примеру братьев Любченко, тоже стал водить колхозный грузовик, и в годы войны он не расставался с шоферской баранкой. Гаврило Тесля водил колхозный ЗиС-5 до ухода на пенсию.

Все возвратившиеся фронтовики стали надежным оплотом в труде, в семье, в воспитании подрастающего поколения. Их трудовой подвиг с каждым днем приближал светлое будущее советского народа. Вечная слава воинам победителям. Мы в неоплатном долгу перед теми, кто подарил нам Победу и мирную жизнь.

С далекого 1945-го года священная дата — 9 Мая — по сей день является ярчайшим свидетельством того, какой громадной силой может обладать дружный и сплоченный народ, его бессмертный Подвиг всегда будет служить для нас примером мужества, самоотверженности, несгибаемой воли и стойкости духа. Благодаря конкурсу «Память и слава героям Победы» в истории Тайыншинского края останутся имена наших земляков — воинов и труженников, которые героически сражались на боевых и трудовых фронтах.

**Сарсенбай Бекшенов, первый заместитель
председателя районного филиала
партии «Nur Otan»**

Каждый третий житель Северо-Казахстанской области был призван в армию на защиту Родины. Многие из них удостоены высоких наград, И среди них наши соотечественники. Идея литературного конкурса к юбилею Победы в Великой Отечественной войне — это замечательная идея, конкурс поможет сохранить память о наших славных земляках, их героизм и любовь к Родине — пример для всех последующих поколений.

**Нина Попова,
председатель районного совета ветеранов**